

Хоуп Э.

**ПЛЕННИК ЗЕНДЫ
МЕСТЬ РУПЕРТА**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Энтони Хоуп

**Пленник Зенды. Месть
Руперта (сборник)**

«Алгоритм»

1894, 1898

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Хоуп Э.

Пленник Зенды. Месть Руперта (сборник) / Э. Хоуп —
«Алгоритм», 1894, 1898 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03732-0

Сэр Энтони Хоуп Хоукинс (1863–1933) – английский писатель. Начиная как адвокат, занялся литературой, публиковал очерки и романы в газетах и журналах. Настоящий успех ему принесли два остросюжетных романа: «Пленник Зенды» (1894) и его продолжение «Месть Руперта» (1898), заслужившие огромную популярность публики. По следам успеха Хоуп написал предысторию «Пленника Зенды» – роман «Сердце принцессы Озры» (1896), но эта книга, как и последующие его публикации – свыше 30 томов историческо-приключенческих произведений, не получили такого признания. В этом томе публикуется знаменитая диалогия о пленнике замка Зенда. Интрига этой удивительной истории начинается с приезда в маленькое баварское королевство Руританию англичанина Рудольфа Рассендилла, который необычайно похож на наследника престола. Но тому угрожает смертельная опасность в лице брата, готовящего заговор с целью захвата трон. Молодой англичанин соглашается сыграть роль будущего короля на церемонии коронации, не рассчитывая занимать это место надолго, но настоящего короля внезапно похищает злодей Руперт, и Рассендилл волей неволей приходится продолжать играть принятую роль...

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03732-0

© Хоуп Э., 1894, 1898

© Алгоритм, 1894, 1898

Содержание

Пленник Зенды	7
Глава I	7
Глава II	11
Глава III	16
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	29
Глава VII	33
Глава VIII	37
Глава IX	42
Глава X	47
Глава XI	52
Глава XII	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Энтони Хоуп
Пленник Зенды. Месть Руперта
(Сборник)

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Пленник Зенды

Глава I

Несколько слов о Рассендиллах и Эльфбергах

– Все спрашиваю себя, когда же наконец вы займетесь хоть чем-нибудь, Рудольф? – поинтересовалась жена моего брата.

– Дорогая Роза, – отвечал я, кладя на стол ложку, – зачем мне нужно непременно чем-то заниматься? Мое положение и так приятно. Моих доходов почти хватает на мои запросы (хотя, как известно, ничьих доходов никогда не хватает). Я пользуюсь определенным общественным положением, ведь я брат лорда Берлсдона и деверь милейшей особы, его жены. Этого вполне достаточно!

– Но вам двадцать девять лет, – заметила она, – а вы еще ничем не занимались. Только...

– Шатался по свету. Вы это хотите сказать? Да. В нашей семье можно ничем не заниматься.

Последнее мое замечание было неприятно Розе, поскольку всякий знает (а поэтому можно сказать об этом), что хотя она и хорошенькая и воспитанная женщина, но ее фамилия стоит далеко, чтобы равняться в знатности с фамилией Рассендиллов. Кроме своих достоинств она обладала большим состоянием, и мой брат Роберт имел достаточно мудрости, чтобы не придавать значения ее предкам. Что же касается предков, то следующее замечание Розы не лишено истины.

– Знатные фамилии зачастую хуже прочих! – вздохнула она.

Я пригладил свои волосы, понимая, на что она намекала.

– Я так рада, что у Роберта волосы черные! – вскричала она.

В эту минуту вошел Роберт (он встает в семь часов и работает до завтрака). Он взглянул на свою жену, щеки которой зарделись, и ласково потрепал их.

– Что случилось, дорогая? – спросил он.

– Она недовольна моим бездельем и моими рыжими волосами! – вставил я обиженным тоном.

– Конечно, он не виноват в цвете своих волос! – снизошла Роза.

– Они иногда являют себя через несколько поколений, – кивнул мой брат. – Также и нос. А у Рудольфа и то и другое сразу!..

– Я бы хотела, чтоб они не проявлялись! – продолжала Роза, все еще горячась.

– А мне они скорее нравятся, – заметил я и поклонился портрету графини Амалии.

– Я бы желала, чтобы вынесли эту картину, Роберт! – раздраженно сказала моя невестка мужу.

– Милая Роза! – воскликнул он.

– О Небо! – прибавил я.

– Тогда обо всем этом скорей бы забыли! – продолжала она.

– Едва ли! – глядя на меня, сказал Роберт и покачал головой.

– Но зачем же забывать об этом? – спросил я.

– Рудольф! – вскричала невестка, очень мило краснея.

Я рассмеялся и принялся снова есть яйцо. По крайней мере я отделался от вопроса, чем я должен заниматься. Для того, чтобы закончить спор и чтобы еще немного позлить мою строгую невестку, я прибавил:

– А мне даже нравится быть Эльфбергом!

Когда я обычно читаю книгу, то всегда пропускаю объяснения, но, начав сам писать, вижу, что должен разъяснить, почему моя невестка недовольна моим носом и волосами и почему я осмелился назвать себя Эльфбергом. Какой бы знатной ни была фамилия Рассендилл в течение долгих лет, но никакая знатность не дает ей право на родство со знаменитой фамилией Эльфбергов или на принадлежность к этому королевскому дому. Какая может быть связь между дворцом в Штрельзау или Зендским замком и домом № 305 в Парк-Лейн?

Итак, начну с признания, расскажу о скандале, который леди Берлсдон так желала позабыть. В 1733 году, в царствование Георга II, когда царил мир, а король и принц Уэльский еще не были на ножах, английский двор посетил один принц, впоследствии известный истории под именем Рудольфа III, короля Руритании. Принц был высокий, красивый молодой человек, отличавшийся (может быть, не в свою пользу, не мне судить) не совсем обыкновенным, длинным, острым и прямым носом и копной темно-рыжих волос, – короче, носом и волосами, которые отличали Эльфбергов с незапамятных времен. Он прожил несколько месяцев в Англии, где его принимали самым радушным образом, но уехал, оставив неблагоприятное впечатление. Он дрался на дуэли (все нашли, что он проявил большую порядочность, не считаясь со своим высоким положением) с одним господином, хорошо известным в современном ему обществе не только своими личными заслугами, но еще и как муж красавицы. На этой дуэли принц Рудольф был серьезно ранен и, едва оправившись, был ловко выпровожен посланником Руритании, который считал его беспокойным человеком. Его противник не был ранен на дуэли, но из-за того, что утро, в которое состоялся поединок, было сырое и холодное, он сильно простудился и не вынес болезни, умер через шесть месяцев после отъезда принца Рудольфа, не успев уяснить его отношений к своей жене, которая через два месяца после этого родила наследника титулу и поместьям фамилии Рассендилл. Эта дама и была та графиня Амалия, портрет которой моя невестка желала удалить из гостиной на Парк-Лейн, а ее муж был Джеймс, пятый граф Берлсдон и двадцать второй барон Рассендилл, пэр Англии и рыцарь Подвязки. Что касается Рудольфа, он вернулся в Руританию, женился, взошел на престол, который его потомство по прямой линии занимает с того времени по сей день, – с одним кратким перерывом. Если же пройти по портретной галерее в Берлсдоне, между полусотней портретов за два последних столетия можно видеть пять или шесть из них, включая сюда и шестого графа Берлсдона, отличающихся длинными, острыми, прямыми носами и массой темно-рыжих волос; у этих пяти или шести портретов глаза голубые, тогда как у Рассендиллов, как правило, темные глаза.

Вот и все объяснение, и я рад, что окончил его. Грехи благородных семейств – довольно щекотливая тема, и, конечно, наследственность, о которой мы так много слышим, – самая тонкая предательница в свете; она смеется над тайнами и делает свои пометки между строками родословных.

Вероятно, вы заметили, что моя невестка, с отсутствием логики, должно быть, присущим ей (так как нам более не разрешается приписывать это отсутствие всему ее полу), говорила о цвете моих волос как об обиде, за которую я мог отвечать, спеша заключить из этих наружных признаков о моих внутренних качествах, в которых я готов заявить свою полную невиновность. Она ссылалась на это, чтобы упрекнуть меня и указать на бесполезную жизнь, которую я вел. Как бы там ни было, я испытал удовольствия и приобрел познания. Я окончил школу и университет в Германии и говорю по-немецки так же хорошо, как и по-английски; я прекрасно знаю французский язык; я имею понятие об итальянском и испанском языках; я фехтую хорошо и стреляю без промаха; я езжу верхом на всем, на чем можно ездить; и голова моя одна из самых хладнокровных, несмотря на свою огненную покрывку. Если вы все же скажете, что я должен проводить время в полезном труде, мне нечего отвечать, кроме того, что моим родителям нечего было завещать мне две тысячи фунтов стерлингов ежегодного дохода и дух бродяжничества.

– Разница между вами и Робертом та, – сказала моя невестка, которая (Бог ей прости) говорит часто точно с кафедры, – что он признает обязанности своего положения, а вы только видите преимущества в нем.

– Человеку с темпераментом, дорогая Роза, – отвечал я, – преимущества кажутся обязанностями!

– Глупости! – тряхнула головой Роза. После минуты молчания она продолжала: – Вот теперь сэр Джеймс Барродэль предлагает вам то, для чего вы вполне пригодны.

– Тысячу благодарностей! – пробормотал я.

– Он получит посольство через шесть месяцев, и Роберт уверен, что он охотно возьмет вас в качестве атташе. Примите это предложение, чтобы доставить мне удовольствие!

Когда моя невестка ставит вопрос таким образом, морща свои хорошенькие брови, сжимая маленькие руки и выражая мольбу в глазах, и все это для неисправимого лентяя, каков я, на меня находит раскаяние. Кроме того, мне показалось возможным, что в положении, предлагаемом мне, я мог провести время с удовольствием. Поэтому я сказал:

– Дорогая сестра, если через шесть месяцев не возникнет препятствий и сэр Джеймс мне предложит место, да буду я повешен, если не поеду с сэром Джеймсом!

– О, Рудольф, как вы милы! Я очень рада!

– Куда же он едет?

– Он еще не знает, но ему наверно обещали хорошее место.

– Сударыня, – сказал я, – ради вас я поеду с ним, хотя бы то была нищенская миссия. Если я что-нибудь делаю, то не делаю наполовину!

Итак, обещание было дано, но шесть месяцев – длинный срок и кажутся вечностью; пока они простирались между мной и моей будущей деятельностью (я предполагаю, что атташе деятельны, но наверно не знаю, так как я никогда не сделался атташе ни при сэре Джеймсе, ни при ком-нибудь другом), я стал искать какое-нибудь интересное средство провести их. И мне внезапно пришло в голову, что хорошо бы было поехать в Руританию. Может быть, покажется странным, что до сих пор я не был в этой стране; но мой отец (несмотря на некоторую тайную слабость к Эльфбергам, которая заставила его дать мне, своему второму сыну, знаменитое эльфберговское имя – Рудольф) всегда был против такой поездки, а со времени его смерти брат, под влиянием Розы, придерживался семейного предания, что от этой страны надо держаться подальше. Но с этой минуты, как мысль о Руритании пришла мне в голову, меня одолело любопытство увидеть эту страну. Что ни говори, рыжие волосы и длинные носы не составляют отличительных черт только Эльфбергов, а старая быль казалась очень невеской причиной, чтобы лишать себя возможности познакомиться с замечательно интересным и значительным королевством, игравшим немаленькую роль в истории Европы и могущим еще играть ее под влиянием молодого и энергичного правителя, каким, по слухам, был новый король. Мое решение стало бесповоротным, когда я прочел в «Таймс», что Рудольф V должен был короноваться в Штрельзау в течение следующих трех недель и что приготовления к этому случаю обещают большую пышность. Я, не медля, решил присутствовать на коронации и начал готовиться. Но так как вообще я не привык извещать своих родственников о маршрутах своих путешествий, чтобы не наткнуться на сопротивление моим желаниям, то объявил, что предпринимаю поездку по Тиролю – старинная мечта, – а заодно и отклонил гнев Розы, заявив, что намерен изучать политические и социальные задачи интересных народностей, живущих в его соседстве.

– Может быть, – намекнул я туманно, – эта поездка принесет неожиданные результаты.

– Что хотите вы сказать? – спросила она.

– Что ж, – сказал я небрежно, – мне кажется, что существует пробел, который можно заполнить добросовестной работой о...

– Вы хотите написать книгу? – вскричала она, хлопая в ладоши. – Это было бы великолепно, не правда ли, Роберт?

– Это лучший шаг в политическую жизнь в наше время, – заметил брат, который, между прочим, шагал таким образом уже несколько раз. – Берлсдон о «Современных теориях и новейших фактах» и «Последняя проба изучающего политику» – книги несомненного достоинства.

– Я думаю, ты прав, Боб, милый мальчик! – сказал я.

– А теперь обещайте, что напишете книгу! – сказала Роза серьезно.

– Нет, я не обещаю, но если соберу достаточно материалов, то напишу.

– Материалы не имеют значения! – сказала она, надувшись.

Но на этот раз она не добилась от меня ничего, кроме условного обещания. Сказать правду, я бы дал в залог крупную сумму денег, что на мою летнюю поездку не потрачу ни одного листа бумаги и не испишу ни одного пера. Это доказывает, как мало мы знаем, что готовит будущее; вот и я исполняю свое условное обещание и пишу книгу, как никогда не думал писать, – хотя она едва ли послужит вступлением в политическую жизнь и не имеет ничего общего с Тиродем.

Боюсь также, что она не понравилась бы леди Берлсдон, если бы я представил книгу ее критическим очам, – но этого я не намерен сделать.

Глава II

О цвете волос

Одно из правил моего дяди Вильяма было, что никто не должен проезжать через Париж, не поживши в нем хоть сутки. Дядя говорил это из зрелого житейского опыта, и я с уважением отнесся к его совету, остановившись на сутки в «Континентале», по дороге в Тироль. Я навещал Джорджа Фезерли в посольстве, и мы пообедали вместе у Дюрана, а затем заглянули в Оперу; после этого слегка поужинали, а потом отправились к Бертраму Бертрану, стихотворцу с некоторой репутацией и парижскому корреспонденту «Критики». У него была очень удобная, небольшая квартирка, где мы застали нескольких симпатичных молодых людей, курящих и беседующих. Меня поразило то, что сам Бертрам был рассеян и не в духе, поэтому, когда все, кроме нас, разошлось, я стал трунить над ним и его грустным настроением. Он слегка отшучивался, но в конце, бросившись на диван, воскликнул:

– Что ж, пусть будет по-вашему! Я влюблен – чертовски влюблен!

– Ваши стихи от этого станут лучше! – сказал я, в виде утешения.

Он взъерошил волосы рукой и стал отчаянно курить. Джордж Фезерли, стоя спиной к камину, злорадно улыбнулся.

– Если это все старая любовь, – сказал он, – лучше вам отказаться от нее, Берт. Она завтра уезжает из Парижа.

– Я это знаю! – огрызнулся Бертрам.

– Хотя разницы не было бы, даже если бы она оставалась, – продолжал неумолимый Джордж. – Большому кораблю – большое плаванье, милый мальчик.

– Бог с ней! – сказал Бертрам.

– Для меня разговор стал бы еще интереснее, – решил я заметить, – если бы я знал, о ком вы говорите.

– Об Антуанетте де Мобан, – ответил Джордж.

– Ого, – сказал я, – неужели вы хотите сказать, Берт, что...

– Оставьте меня в покое!

– Куда же она едет? – спросил я, потому что эта дама была в некотором роде знаменитостью.

Джордж побряцал деньгами в кармане, жестоко улыбнулся несчастному Бертраму и любезно отвечал:

– Никто не знает. Между прочим, Берт, я недавно на вечере в ее доме встретил одного великого человека, – недавно, то есть около месяца назад. Не встречали ли и вы его – герцога Штрельзауского?

– Да, встречал! – проворчал Бертрам.

– Очень интересный человек, как мне показалось!

Нетрудно было заметить, что намеки Джорджа о герцоге были направлены на то, чтобы увеличить страдания бедного Бертрама, из чего я вывел заключение, что герцог осчастливил госпожу де Мобан своим вниманием. Она была вдова, богатая, красивая и, если верить молве, честолюбивая. Было очень вероятно, что она, как выражался Джордж, была таким же большим кораблем, как и тот высокопоставленный человек, у которого было все, что он мог пожелать, исключая разве королевского сана; герцог был сыном покойного короля Руритании от второго и морганатического брака и братом нового короля.

Он был любимцем своего отца, и много неблагоприятных толков вызвало дарование ему титула герцога, с именем, происходящим от столь важного города, как сама столица.

– Его мать по рождению была хорошего, но не знаменитого рода.

– Его теперь нет в Париже, не правда ли? – спросил я.

– Нет! Он уехал обратно, чтобы присутствовать на коронации короля; но эта церемония, смею думать, ему не очень-то по душе. Но, Берт, милый мой, не отчаивайтесь! Он не женится на прекрасной Антуанетте, по крайней мере если другой план ему удастся. Хотя, может быть, она... – Он остановился и прибавил с улыбкой: – Против королевского внимания трудно устоять; вы это хорошо знаете, не правда ли, Рудольф?

– Что за шутки! – сказал я и, предоставив злосчастного Бертрама Джорджу, ушел домой спать.

На следующий день Джордж Фезерли поехал со мной на вокзал, где я взял билет до Дрездена.

– Едете осматривать картины? – спросил Джордж с насмешкой.

Джордж известный сплетник, и скажи я ему, что еду в Руританию, весть об этом достигла бы Лондона в три дня, а Парк-Лейн – через неделю. Поэтому я собирался отвечать неопределенно, когда он спас мою совесть, покинув меня внезапно и перебежав на другую сторону платформы.

Следя за ним глазами, я увидел, что он, сняв шляпу, подходил к женщине грациозной, одетой по моде, которая только что появилась из здания вокзала. Ей было, может быть, лет тридцать с небольшим; она была высокая, смуглая, довольно полная особа. Пока Джордж разговаривал с ней, я заметил, что она взглянула на меня, и мое самолюбие пострадало при мысли, что завернутый в меховое пальто и шарф (так как был холодный апрельский день) и в мягкой дорожной шляпе, насунутой на самые уши, я, вероятно, показался ей далеко не в лучшем своем виде. Через минуту Джордж вернулся ко мне.

– У вас будет прелестная спутница, – сказал он, – это богиня бедного Берта Бертрана. Антуанетта де Мобан, подобно вам, едет в Дрезден – также, вероятно, чтобы любоваться картинами. Но странно, что она не пожелала иметь честь теперь с вами познакомиться!

– Я не просил быть ей представленным! – заметил я с неудовольствием.

– Я предложил ей представить вам, но она сказала – в другой раз. Ничего, старый приятель, авось случится крушение поезда, и вы найдете случай спасти ее и вытеснить герцога Штрельзауского из ее сердца!

Но крушения не случилось, ни со мной, ни с госпожой де Мобан. Я могу за нее отвечать так же, как за себя, потому что, когда, отдохнув в Дрездене, я продолжал свою дорогу, она села на этот же поезд. Понимая, что она желает оставаться незамеченной, я тщательно избегал ее, но заметил, что она ехала тем же путем, как и я, до самого конца моего путешествия, и я воспользовался случаем хорошо рассмотреть ее, когда мог это делать незаметно.

Как только мы достигли границы Руритании, где старый военный управляющий таможеней так пристально и внимательно смотрел на меня, что я еще более убедился в своей эльфберговской наружности, я купил газет и нашел в них известия, повлиявшие на дальнейшие мои планы.

По какой-то причине, неясно выраженной и казавшейся немного таинственной, день коронации был внезапно изменен, и церемония должна была состояться через день. Вся страна была в движении по этому случаю, и для меня было ясно, что Штрельзау был переполнен. Все комнаты отданы внаймы, и гостиницы битком набиты; мало было вероятия, что мне удастся найти помещение, а если и удастся, то придется заплатить за него сумасшедшие деньги. Я решил поэтому остановиться в Зенде, маленьком городке в пятидесяти милях от столицы и около десяти от границы. Мой поезд должен был прийти туда вечером; я намерен был провести следующий день, вторник, в прогулках по горам, которые, говорят, очень красивы, взглянуть на знаменитый замок и поехать по железной дороге в Штрельзау в среду утром, чтобы снова вернуться ночевать в Зенду.

Поэтому вышел я в Зенде, и, когда поезд проходил мимо меня, пока я стоял на платформе, я увидел госпожу де Мобан, сидящую в вагоне; ясно было, что она едет прямо в Штрель-

зау, имея, вероятно, больше возможности, чем я, найти помещение. Я улыбнулся при мысли, как бы удивился Джордж Фезерли, если бы узнал, что мы были спутниками так долго.

Меня приняли очень предупредительно в гостинице – впрочем, скорее похожей на харчевню, которую содержала толстая, старая женщина и ее две дочери. Это были добрые, спокойные люди, которые, казалось, мало интересовались великими штрельзаускими событиями. Героем старухи был герцог, потому что он был, по завещанию старого короля, владельцем зендских поместий и замка, величественно возвышавшегося на крутом холме в конце долины, около мили от гостиницы. Старуха, даже не колеблясь, выразила сожаление, что не герцог вступает на престол, вместо своего брата.

– Мы знаем герцога Майкла, – сказала она. – Он всегда жил среди нас. Всякий руританец знает герцога Майкла. А король почти чужой; он так долго был за границей, что едва ли один из десяти знает его облик!

– А теперь, – вмешалась одна из молодых женщин, – говорят, он сбрил бороду, так что никто его не узнает!

– Сбрил бороду! – вскричала ее мать. – Кто это сказал?

– Иоганн, ключник герцога. Он видел короля!

– Конечно. Король, сударь, находится теперь в охотничьем павильоне герцога, здесь, в лесу; отсюда он поедет в Штрельзау, чтобы короноваться в среду утром!

Меня все это интересовало, и я решил пойти на следующий день в сторону охотничьего павильона, рассчитывая встретить короля.

Словоохотливая старуха продолжала:

– О, как бы я желала, чтобы он удовольствовался охотой – это да вино, да еще одно, говорят, его любимые занятия – и предоставил бы нашему герцогу короноваться в среду. Вот мое желание, и мне все равно, кто бы ни узнал об этом!

– Тише, матушка! – остановили ее дочери.

– Многие думают так же, как я! – закричала старуха упрямо.

Я откинулся в глубокое кресло и рассмеялся над ее усердием.

– Что касается меня, – сказала хорошенькая и младшая из двух дочерей, белокурая, веселая улыбающаяся девушка, – я ненавижу Черного Майкла! Мне нравится рыжий Эльфберг, матушка. Король, говорят, рыж, как лисица или...

И она шаловливо засмеялась, бросив на меня взгляд, и кивнула головой на неодобрительное выражение лица своей сестры.

– Не один человек проклинал его рыжие волосы! – пробормотала старуха, и я вспомнил Джеймса, пятого графа Берлсдона.

– Но ни одна женщина! – вскричала девушка.

– Да и женщины также, когда поздно бывало... – был строгий ответ, заставивший девушку замолчать и покраснеть.

– Таким образом, король находится здесь? – спросил я, чтобы прервать неловкое молчание. – Вы говорите, что здесь владения герцога?

– Герцог пригласил его отдохнуть здесь до среды, сударь, а сам находится в Штрельзау, где приготавливает все к приему короля.

– Так они друзья?

– Закадычные! – сказала старуха.

Но румяная девушка опять кивнула; ее умилили ненадолго, и она снова вмешалась в разговор:

– Да, они любят друг друга, как люди, имеющие виды на одно и то же место и на одну и ту же жену!

Старуха вспыхнула; но последние слова возбудили мое любопытство, и я вмешался раньше, чем она начала браниться.

– Как? Ту же жену! Каким образом?

– Весь свет знает, что Черный Майкл – ну хорошо, матушка, герцог – отдал бы душу, чтобы жениться на своей кузине, принцессе Флавии, а она должна стать королевой!

– Честное слово, – сказал я, – я начинаю жалеть вашего герцога. Но раз человек родился младшим братом, он должен довольствоваться тем, что остается после старшего, и еще быть, насколько возможно, благодарным Богу! – И, думая о себе, я пожал плечами и рассмеялся. И тут же я подумал об Антуанетте де Мобан и ее путешествии в Штрельзау.

– Черному Майклу мало дела до... – начала девушка, подогревая гнев своей матери.

Но пока она говорила, тяжелые шаги зазвучали по полу и суровый голос спросил угрожающим тоном:

– Кто говорит о Черном Майкле в собственных владениях его высочества?

Девушка слегка вскрикнула полуиспуганно-полувесело, как мне показалось.

– Ты не донесешь на меня, Иоганн? – сказала она.

– Вот видишь, куда заводит твоя болтовня! – заметила старуха.

Заговоривший человек вышел вперед.

– У нас гость, Иоганн! – сказала хозяйка.

Человек скинул шапку. Через минуту он увидел меня, и, к моему удивлению, отскочил на шаг, как бы увидав нечто поразительное.

– Что с тобой, Иоганн? – спросила старшая девушка. – Этот господин – путешественник, приехавший посмотреть на коронацию!

Человек опомнился, но смотрел на меня напряженным, испытующим, почти враждебным взглядом.

– Добрый вечер! – сказал я.

– Добрый вечер! – пробормотал он, все еще разглядывая меня, а веселая девушка начала смеяться, воскликнув:

– Смотри, Иоганн, вот твой любимый цвет! Он поражен вашими волосами, сударь! Мы не часто видим этот цвет здесь, в Зенде!

– Прошу извинения, сударь, – пробормотал человек с недоумением в глазах. – Я не ожидал увидеть кого-либо!

– Дайте ему стакан, чтобы выпить за мое здоровье; а вам я желаю спокойной ночи и благодарю вас за вашу любезность и приятный разговор!

Говоря это, я встал и с легким поклоном повернулся к дверям. Молодая девушка побежала осветить мне дорогу, а человек отступил, чтобы пропустить нас, с глазами, все еще устремленными на меня. Когда же я поравнялся с ним, он сделал шаг вперед и спросил:

– Сударь, знаете ли вы нашего короля?

– Никогда не видел его, – отвечал я. – Надеюсь увидеть его в среду!

Он больше ничего не сказал, но я чувствовал, что его глаза следили за мной, пока дверь не закрылась. Мой шаловливый проводник, смотря через плечо на меня, идя по лестнице, сказал:

– Господину Иоганну нельзя понравиться с вашим цветом волос, сударь!

– Ему больше нравится ваш? – подсказал я.

– Я говорила о мужчинах, сударь! – отвечала она с кокетливым взглядом.

– Что? – спросил я, берясь с другой стороны за подсвечник. – Разве для мужчины цвет волос имеет значение?

– Нет, но мне нравится ваш – это эльфберговский рыжий цвет!

– Цвет волос для мужчины, – сказал я, – не имеет более цены, чем это! – и я дал ей нечто малоценное.

– Дай бог, чтобы дверь из кухни была заперта! – заметила она.

– Аминь! – ответил я и пошел спать.

Но в действительности, как я узнал теперь, цвет волос иногда очень важен и для мужчины.

Глава III

Веселый вечер с дальним родственником

Я не мог относиться с недоверием к герцогскому ключнику только потому, что ему не нравился цвет моих волос; а если мне и хотелось быть недоверчивым, его вежливое и услужливое поведение (как казалось мне) на следующее утро обезоружило меня. Услыхав, что я направляюсь в Штрельзау, он явился ко мне, пока я завтракал, и сказал, что его сестра, вышедшая замуж за состоятельного торговца и живущая в столице, предлагала ему занять комнату в ее доме. Он с удовольствием согласился, но теперь видит, что благодаря своим обязанностям не будет свободен. Он поэтому предложил, если я могу удовольствоваться таким скромным (хотя, прибавил он, чистым и удобным) помещением, ехать мне на его место. Он ручался за согласие сестры и заострил внимание на неудобстве и толкотне, которой я буду подвержен по дороге в Штрельзау и обратно на следующий день. Я принял его предложение, не колеблясь ни минуты, и он ушел послать телеграмму своей сестре, пока я укладывал вещи, готовясь сесть на первый поезд. Но мне все же хотелось посмотреть на лес и на охотничий павильон; потому, когда румяная девушка сказала мне, что, пройдя по лесу миль около десяти, я мог попасть на маленькую железнодорожную станцию, я решил отправить свой багаж прямо по адресу, данному Иоганном, погулять, а потом добраться самому в Штрельзау. Иоганн уже ушел и не знал о перемене в моих планах; но так как единственное изменение в них было замедление на несколько часов в моем приезде к его сестре, то не было причины сообщать ему об этом. Без сомнения, добрая женщина не станет слишком обо мне беспокоиться.

Я позавтракал рано, и простившись с моими добрыми хозяйками и обещав заехать к ним на обратном пути, стал всходить на гору, ведущую к замку, а оттуда в Зендский лес. В полчаса неспешной ходьбы дошел я до замка. Он был в старые годы крепостью, и старинная постройка была в хорошем состоянии и очень величественна. За нею стояла другая часть прежнего замка, а за нею, отделяясь от нее глубоким и широким рвом, огибавшим все старое строение, стоял красивый новый дворец, построенный покойным королем и теперь составляющий загородную резиденцию герцога Штрельзауского. Старые и новые здания соединялись подъемным мостом, и этот способ доступа составлял единственный проход между старым зданием и внешним миром; но к новому дворцу вела широкая и красивая аллея. Это было идеальное жилище: когда Черному Майклу желательно было общество, он мог жить во дворце; если же на него находила ипохондрия, он мог перейти мост и поднять его за собой (мост двигался на блоках), и ничто, разве только целый полк и артиллерия, не могло заставить его выйти оттуда.

Я продолжал свою прогулку, радуясь, что, хотя бедный Черный Майкл не мог получить ни трона, ни принцессы, он все же имел резиденцию не хуже любого принца в Европе.

Вскоре я вошел в лес и гулял около часа в его свежей густой тени. Большие деревья переплетались над моей головой, а солнечный свет прокрадывался сквозь них пятнами, яркими, как бриллианты, и едва ли больше их. Я был в восхищении от места и, найдя срубленный ствол дерева, прислонился спиной к нему и вытянув ноги, предался ничем не прерываемому созерцанию торжественной красоты леса и наслаждению хорошей сигарой. Когда же сигара была выкурена и я (казалось) воспринял красоту природы, насколько мог, я заснул самым безмятежным сном, не думая о поезде в Штрельзау и о быстро бежавших часах. Думать о железной дороге в таком месте было бы почти святотатством. Вместо этого мне стало сниться, что я женат на принцессе Флавии, живу в Зендском замке и провожу целые дни со своей возлюбленной в тени лесов, – что составляло очень приятный сон. В то время как я запечатлевал страстный поцелуй на прелестных устах принцессы, я услышал (и сперва голос, казалось, раздавался в моем сне) чье-то восклицание грубым, резким голосом:

– Что за черт! Побрейте его, и он будет королем!

Эта мысль показалась довольно причудливой для сна: пожертвовав моими густыми усами и старательно подстриженной бородкой, я должен был превратиться в монарха! Я опять собирался поцеловать принцессу, когда пришел весьма неохотно к заключению, что более не сплю.

Я открыл глаза и увидел двух людей, разглядывающих меня с большим любопытством. Оба были одеты в охотничьи костюмы и держали по ружью. Один из них был небольшого роста и довольно толстый, с большой круглой, как ядро, головой, с жесткими седыми усами и небольшими светло-голубыми глазами, слегка налитыми кровью. Другой был стройный молодой человек, смуглый, с изящной и грациозной фигурой.

Я решил мысленно, что первый – старый военный, а второй – принадлежит к хорошему обществу, но также знаком с военной жизнью. Впоследствии оказалось, что мои догадки были верны.

Старший приблизился ко мне, делая знак младшему следовать за ним. Тот исполнил это, вежливо приподняв шляпу. Я медленно встал на ноги.

– И росту такого же! – услышал я бормотанье старшего, пока он оглядывал меня. Потом, прикоснувшись по-военному к шапке, он обратился ко мне:

– Могу ли я узнать ваше имя?

– Так как вы сделали первый шаг к знакомству, господа, – отвечал я с улыбкой, – не откажите уже и первые назвать себя.

Молодой человек с приятной улыбкой шагнул вперед.

– Это полковник Запт, – сказал он, – а меня зовут Фриц фон Тарленхайм; мы оба находимся на службе у короля Руритании!

Я поклонился и, обнажив голову, отвечал:

– Я – Рудольф Рассендилл, путешественник из Англии. Когда-то, в течение года или двух, служил в армии ее величества королевы!

– Значит, мы все братья по оружию! – возгласил Тарленхайм, протягивая руку, которую я охотно пожал.

– Рассендилл, Рассендилл! – бормотал полковник Запт.

Вдруг луч воспоминания промелькнул на его лице.

– Клянусь небом, – вскричал он, – вы член семейства Берлсдонов!

– Мой брат – лорд Берлсдон! – сказал я.

– Твоя голова выдала тебя! – хрипло засмеялся он, указывая на мою непокрытую голову.

– Фриц, вы знаете эту историю?

Молодой человек, как бы извиняясь, взглянул на меня. Его деликатность понравилась бы моей невестке. Чтобы успокоить его, я заметил, улыбаясь:

– Ага! Видно, эта история известна здесь, так же как между нами!

– Известна! – вскричал Запт. – Если вы поживете здесь, едва ли кто-нибудь усомнится в ней!

Я начинал испытывать неловкость. Если бы я признавал раньше, какое явно выраженное происхождение носил на себе, то долго бы колебался, прежде чем приехать в Руританию. Теперь же было поздно отступать.

В эту минуту звонкий голос раздался из лесу позади нас:

– Фриц, Фриц, где же вы?

Тарленхайм вздрогнул и поспешно сказал:

– Это король!

Старик Запт снова рассмеялся.

Из-за ствола дерева выскочил и остановился перед нами молодой человек. Взглянув на него, я издал крик удивления; а он, увидав меня, отступил назад, внезапно пораженный. Исключая усов и бороды и осанки, полной достоинства, которую его положение давало ему, исключая, что ему не хватало, может быть, полдюйма – нет, меньше, но все же немного не хва-

тало – до моего роста, король Руритании мог бы быть Рудольфом Рассендиллом, а я Рудольфом, королем.

Секунду мы стояли неподвижно, смотря друг на друга. Потом я снова обнажил голову и почтительно поклонился. К королю вернулся голос, и он спросил с удивлением:

– Полковник, Франц, кто этот господин?

Я хотел ответить, когда полковник Запт, ставши между королем и мною, стал говорить вполголоса с его величеством. Король был выше Запта, и пока он слушал, его глаза от времени до времени искали моего взгляда. Я смотрел на него долго и внимательно. Сходство было, без сомнения, поразительное, хотя я также видел и разницу. Лицо короля было слегка мясистее моего, контуры его овала чуть-чуть округлее, и, как мне показалось, его рту недоставало той твердости (или упрямства), которая ясно виднелась на моих крепко сжатых губах. Но, несмотря на это и минуя другие мелкие различия, сходство являлось поразительное, неоспоримое, удивительное.

Запт перестал говорить, а король все еще хмурился. Потом, постепенно, углы его рта стали вздрагивать; его нос опустился (как опускается мой, когда я смеюсь), его глаза сверкнули, и вдруг он разразился самым веселым, неудержимым, разнесшимся по лесу, смехом.

– Добрая встреча, брат! – вскричал он, подходя ко мне, хлопая меня по спине и все еще смеясь. – Вы должны простить мое удивление. Я не ожидал, что увижу своего двойника в это время дня, не правда ли, Фриц?

– Я должен просить прощения, государь, за свою смелость, – отвечал я. – Надеюсь, что это не лишит меня милости вашего величества?

– Клянусь небом, вы всегда будете пользоваться обликом короля, – засмеялся он, – хочу я того или нет; а я рад прибавить к этому, какую могу, услугу. Куда вы теперь едете?

– В Штрельзау, государь, на коронацию!

Король посмотрел на своих друзей; он все еще улыбался, хотя в его выражении проглядывало беспокойство. Но смешная сторона приключения опять охватила его.

– Фриц, Фриц, – воскликнул он. – Тысячу крон за один взгляд на лицо брата Майкла, когда он увидит нас обоих!

И его веселый смех зазвенел опять.

– Серьезно, – заметил Фриц фон Тарленхайм, – я не знаю, насколько будет благоразумно мистеру Рассендиллу посетить Штрельзау в настоящее время.

Король закурил папиросу.

– Что же, Запт? – сказал он вопросительно.

– Он не должен ехать! – проворчал старый офицер.

– Помилуйте, полковник, вы хотите сказать, что я очень был бы обязан мистеру Рассендиллу, если...

– Ну да, представьте это в надлежащем виде! – сказал Запт, вытаскивая из кармана большую трубку.

– Довольно, государь, – сказал я. – Я покину Руританию сегодня же!

– Нет, гром и молния, вы не уедете, – и это не обсуждается! Вы пообедаете сегодня со мной, и пусть будет, что будет, но потом. Ведь вам не приходится встречать нового родственника каждый день!

– Мы обедаем сегодня скромно, – сказал Фриц фон Тарленхайм.

– Нет, ведь у нас наш новый родственник в гостях! – вскричал король; и так как Фриц пожимал плечами, он прибавил: – Я буду помнить, что выезжать надо рано, Фриц!

– И я также – завтра утром! – сказал старый Запт, пыхтя своей трубкой.

– О, мудрый старый Запт! – воскликнул король. – Пойдем, мистер Рассендилл; кстати, какое дали вам имя?

– Имя вашего величества! – сказал я, кланяясь.

– Что ж, это доказывает, что они не стыдились нас, – засмеялся он. – Пойдем, брат Рудольф, у меня здесь нет своего дома, но мой дорогой брат Майкл одолжил мне свое поместье, и мы постараемся хорошо вас принять в нем! – И он просунул руку под мою и, кивнув остальным, чтобы они следовали за нами, повел меня через лес.

Мы шли более получаса, король курил папиросы и болтал не переставая. Он очень интересовался моей семьей, от души хохотал, когда я рассказал ему о портретах с эльфберговскими волосами в нашей портретной галерее, и еще более от души, когда услышал, что моя поездка в Руританию была тайной.

– Вам тайком приходится навещать своего непоказного родственника, не правда ли? – сказал он.

Внезапно выйдя из лесу, мы подошли к небольшому охотничьему павильону. Это было одноэтажное здание, построенное всецело из дерева. Пока мы подходили, к нам навстречу вышел маленький человек в простой ливрее, единственное существо, виденное мною там; кроме того, была толстая пожилая женщина, как я потом узнал, мать Иоганна, герцогского ключника.

– Что ж, готов обед, Иозеф? – спросил король.

Маленький слуга доложил нам, что обед готов, и мы вскоре уселись за обильную трапезу. Роли были распределены ясно: король ел много, Фриц фон Тарленхайм – разборчиво, а старый Запт – жадно. Я также усердно работал ножом и вилок, по своему обыкновению; король заметил мое поведение с одобрением.

– Мы все, Эльфберги, умеем поесть, – сказал он. – Но это что? Мы едим всухомятку! Вина, Иозеф, вина! Что мы, животные, чтобы есть не пивши? Что мы, скоты, Иозеф?

При этом замечании Иозеф поспешил покрыть стол бутылками.

– Помните завтрашний день! – сказал Фриц.

– Да, завтра! – отвечал старый Запт.

Король осушил кубок за здоровье «брата Рудольфа», как он милостиво называл меня, а я выпил в ответ «за рыжих Эльфбергов», что заставило его громко смеяться.

Какие бы ни были кушанья, вино, которое мы пили, было выше всякой цены и похвалы, и мы все же оценили его. Фриц раз только решился остановить руку короля.

– Что? – вскричал король. – Помните, что вы выезжаете раньше меня, господин Фриц; вы на целых два часа должны быть воздержаннее меня!

Фриц видел, что я не понял этих слов.

– Полковник и я, – объяснил он, – должны выехать отсюда в шесть часов: мы поедем верхом до Зенды и вернемся за королем с почетным караулом в восемь, а затем все вместе отправимся на станцию!

– Черт бы побрал этот караул! – заворчал Запт.

– О! Это любезность со стороны моего брата, что он просил оказать эту честь его полку, – сказал король. – А вам, Рудольф, не надо пускаться в путь рано. Другую бутылку!

Я получил новую бутылку, или скорее часть бутылки, так как большая ее половина быстро отправилась в горло короля. Фриц отказался от своих попыток удерживать его: роли переменились, его стали усиленно угощать, и вскоре все мы сильно опьянели. Король начал говорить о том, что он намерен делать в будущем, старик Запт – о том, что он делал в прошлом, Фриц – о какой-то прелестной девушке, а я – об удивительных достоинствах Эльфберговской династии. Мы говорили все сразу и следовали буквально правилу Запта: что пусть завтрашний день печется сам о себе.

Наконец король поставил стакан и откинулся на спинку стула.

– Я достаточно выпил! – заявил он.

– Не осмеливаюсь противоречить королю! – согласился я. Действительно, его замечание было верно.

Пока я еще говорил, вошел Иозеф и поставил перед королем удивительную старую бутылку в плетенке. Она так долго лежала в темном погребе, что, казалось, мигала при свете свеч.

– Его высочество герцог Штрельзауский приказал мне поставить это вино перед королем, когда королю надоест всякое другое вино, и просить короля выпить его из любви к своему брату.

– Вот это хорошо, Черный Майкл! – сказал король. – Выбивай пробку, Иозеф. Черт с ним! Неужели он думал, что я испугаюсь этой бутылки?

Бутылка была откупорена, и Иозеф наполнил стакан короля. Король попробовал вино. Потом с торжественностью, происходящей от важности случая и его собственного состояния, он взглянул на нас:

– Господа, мои друзья! Рудольф, брат (это скандальная история, Рудольф, клянусь честью), все ваше – даже половина Руритании. Но не просите у меня ни одной капли этой божественной бутылки, которую я выпью за здоровье этого... этого хитрого негодяя, моего брата, Черного Майкла!

И король схватил бутылку, опрокинул ее себе в рот, осушил, отбросил ее от себя и положил голову на скрещенные руки.

А мы пожелали приятных снов его величеству, и это все, что я помню о том вечере. Но, может быть, и этого достаточно.

Глава IV

Король верен своему долгу

Я не знал, – спал ли я минуту или год. Я проснулся с испугом и дрожью; мое лицо, волосы и платье были мокры от воды, а против меня стоял старый Запт с насмешливой улыбкой на лице и с пустым ведром в руках. На столе возле него сидел Фриц фон Тарленхайм, бледный, как призрак, и с черными кругами под глазами. Я вскочил в гневе на ноги.

– Ваша шутка зашла слишком далеко! – вскричал я.

– Пустяки, нам некогда ссориться. Ничто другое не могло поднять вас. Уже пять часов!

– Я был бы благодарен, полковник Запт... – начал я, горячася, хотя телу моему было необыкновенно холодно.

– Рассендилл, – прервал меня Фриц, сходя со стола и беря меня за руку, – посмотрите сюда!

Король лежал, растянувшись на полу. Его лицо было так же красно, как и его волосы, и он тяжело дышал. Запт, непочтительный старый пес, грубо толкнул его ногой. Он не двинулся, и его тяжелое дыхание не прервалось. Я увидел, что его лицо и голова мокры от воды, подобно моим.

– Мы провозились с ним полчаса! – сказал Фриц.

– Он выпил в три раза больше, чем любой из нас! – проворчал Запт.

Я стал на колени и пощупал его пульс. Он был поразительно слабый и редкий. Мы посмотрели друг на друга.

– Не было ли что-нибудь подмешано в последнюю бутылку? – спросил я шепотом.

– Не знаю, – сказал Запт.

– Мы должны позвать доктора!

– Доктора нет ближе десяти миль, и тысяча докторов не помогут ему быть в Штрельзау сегодня. Я это вижу по его лицу. Он не двинется раньше, как через шесть или семь часов!

– А коронация? – вскричал я в ужасе.

Фриц пожал плечами, что было, я заметил, его привычкой во многих случаях.

– Мы должны послать сообщение, что он болен, – сказал он.

– Я тоже так думаю! – поддержал я его.

Старый Запт, казавшийся свежим, как цветок, курил свою трубку и старательно пыхтел ею.

– Если Рудольф не будет коронован сегодня, – сказал он, – быюсь об заклад, что его никогда не коронуют!

– Но, боже мой, почему?

– Весь народ находится там, чтобы встретить его; половина армии также – с Черным Майклом во главе. Неужели мы пошлем объявить им, что король пьян?

– Что он болен! – поправил я.

– Болен! – повторил Запт с презрительным смехом. – Они слишком хорошо знают его болезни. Он бывал «болен» и раньше!

– Мы должны рискнуть, что бы они ни подумали, – сказал Фриц беспомощно. – Я повезу известие и сделаю, что могу!

Запт поднял руку.

– Скажите мне, – спросил он. – Думаете ли вы, что король был усыплен?

– Да, я думаю! – сказал я.

– А кто усыпил его?

– Эта проклятая собака, Черный Майкл! – проговорил Фриц сквозь зубы.

– Да, – сказал Запт, – чтобы он не мог явиться для коронования. Рассендилл не знает нашего миленького Майкла. Как вы думаете, Фриц, нет ли у Майкла готового короля? Нет ли у половины Штрельзау готового кандидата? Как бог свят, трон потерян, если король не окажется сегодня в Штрельзау. Я знаю Черного Майкла!

– Мы можем повезти его туда! – сказал я.

– Он представляет красивое зрелище! – заметил Запт с иронией.

Фриц фон Тарленхайм закрыл лицо руками. Король задышал громче и тяжелее. Запт снова толкнул его ногой.

– Пьяная собака, – сказал он, – но он Эльфберг и сын своего отца, и пусть я сгнию в аду, прежде чем Черный Майкл сядет на его место!

Минуты две мы все молчали; потом Запт, хмуря свои густые брови, вынул трубку из рта и сказал мне:

– Когда человек старается, он начинает верить в судьбу. Судьба послала вас сюда. Судьба посылает вас теперь в Штрельзау!

Я отшатнулся, прошептав:

– Великий боже!

Фриц поднял голову с любопытным, пораженным взглядом.

– Невозможно, – пробормотал я, – меня бы узнали!

– Это риск – против действительности, – сказал Запт. – Если вы побреетесь, я держу пари, что вас не узнают. Вы боитесь?

– Полковник!

– Ну, милый, не сердитесь; но вы рискуете жизнью, поймите, если вас узнают, – и моей и Фрица тоже. Но если вы не согласитесь, клянусь вам, что Черный Майкл сегодня вечером сядет на трон, а король будет в тюрьме или могиле!

– Король никогда этого не простит! – заикнулся я.

– Что мы, женщины? Кто нуждается в его прощении?

Маятник простучал пятьдесят, и шестьдесят, и семьдесят раз, пока я стоял в раздумье. Потом, должно быть, выражение моего лица изменилось, потому что старый Запт схватил меня за руку, вскричав:

– Вы поедете?

– Да, я поеду! – сказал я и повел глазами на распростертую на полу фигуру короля.

– Сегодня, – продолжал Запт поспешным шепотом, – мы должны ночь провести во дворце. Сейчас после того, как вас оставят одних, вы и я сядем на лошадей, – Фриц должен оставаться там и охранять комнату короля – и галопом пустимся сюда. Король будет готов; Иозеф ему все скажет, и он со мной поскачет в Штрельзау, а вы отправитесь к границе так, словно черт гонится за вами!

Я сообразил все это в секунду и кивнул головой.

– Есть шансы на успех! – сказал Фриц с первым вздохом надежды.

– Если все это не откроется! – заметил я.

– Если все откроется, – возразил Запт, – я, с помощью неба, пошлю Черного Майкла в преисподнюю, прежде чем отправлюсь туда сам. Садитесь сюда!

Я повиновался.

Он выбежал из комнаты, крича:

– Иозеф, Иозеф!

Через три минуты он вернулся вместе с Иозефом. Последний нес миску с горячей водой, мыло и бритву. Он задрожал, когда Запт объяснил ему, в чем дело, и приказал ему побрить меня.

Внезапно Фриц снова вскочил на ноги:

– А почетный караул? Они узнают! Они узнают!

– Глупости! Мы не станем ждать караула. Мы поедem в Хофбау и возьмем там поезд. Когда они явятся, птичка будет далеко!

– Но король?

– Король будет в винном погребе. Я его сейчас туда снесу!

– А если его там найдут?

– Не найдут. Каким образом найти? Иозеф им отведет глаза.

– Но...

Запт топнул ногой.

– Мы заняты не забавой! – заревел он. – Господи! Точно я не сознаю опасность? Если его и найдут, он не будет в худшем положении, чем если сегодня его не коронуют в Штрельзау!

Говоря это, он широко раскрыл дверь, нагнулся, выказывая силу, которой я не подозревал в нем, и поднял короля на руки. Пока он проделывал это, старуха, мать Иоганна-ключника, показалась на пороге. С минуту она постояла, потом, повернувшись на каблуках, без всякого удивления, побежала по коридору.

– Неужели она все слышала? – вскричал Фриц.

– Я заткну ей рот! – сказал Запт мрачно и унес короля на своих руках.

Что касается меня, я сел в кресло и сидел в нем, ошеломленный, в то время, как Иозеф стриг и брил меня; мои усы и борода вскоре исчезли, и мое лицо стало таким же безволосым, как лицо короля. Когда же Фриц увидел меня таким, он глубоко вздохнул и воскликнул:

– Клянусь Юпитером, нам все удастся!

Было уже шесть часов, и нам нельзя было терять времени. Запт поспешно повел меня в комнату короля; я оделся в мундир гвардейского полковника, находя время, пока натягивал сапоги короля, спросить у Запта, что он сделал со старухой.

– Она клялась, что ничего не слыхала, – сказал он. – Но чтобы быть в этом уверенным, я связал ей ноги и запер ее в погребе с углем, рядом с погребом, где находится король. Позже Иозеф присмотрит за ними обоими.

Тут я расхохотался; даже старый Запт мрачно улыбнулся.

– Мне кажется, – сказал он, – что когда Иозеф объявит им, что король уже уехал, они поймут, что мы почуяли ловушку. Можно поклясться, что Черный Майкл не ожидает его сегодня в Штрельзау!

Я надел шлем короля. Старик Запт подал мне саблю короля и осматривал меня долго и внимательно.

– Слава богу, что он раньше сбрил бороду! – воскликнул он.

– А почему сбрил он ее? – спросил я.

– Потому что принцесса Флавия сказала, что она царапает ее щеку, когда ему приходит в голову мысль награждать ее братским поцелуем. Пойдем, нам пора ехать!

– Все ли здесь безопасно?

– Ничто нигде не безопасно, – сказал Запт, – но мы ничего поделать не можем!

Фриц присоединился к нам в мундире капитана того полка, к которому принадлежало и мое одеяние. В четыре минуты Запт облачился в свой мундир. Иозеф доложил, что лошади поданы. Мы вскочили на них и двинулись быстрой рысью. Представление началось. Каков будет конец?

Утренний воздух освежил мою голову, и я мог понять все то, что Запт говорил мне. Фриц едва говорил, ехал, как человек во сне, но Запт, не упоминая даже о короле, начал сразу объяснять мне самым подробным образом историю моей прошлой жизни, моей семьи, объяснять мои вкусы, стремления и слабости; говорил о друзьях, товарищах и слугах. Он сообщил об этикете при Руританском дворе, обещая постоянно находиться у меня под рукой, чтобы указывать мне на тех, которых я должен знать, и подсказывать мне, с какой степенью благосклонности я должен встречать их.

– Между прочим, – сказал он, – вы католик, надеюсь?

– Нет! – отвечал я.

– Господи, он еретик! – простонал Запт и немедленно начал краткое преподавание обычаев и обрядов римского вероисповедания.

– К счастью, – сказал он, – от вас не будут ждать больших познаний, потому что король известен своим равнодушием и нерадением к этим вопросам. Но вы должны быть как можно любезнее с кардиналом. Мы надеемся перетянуть его на нашу сторону, потому что у него с Майклом давнишняя ссора из-за первенствующего места.

Мы приближались к станции. Фриц настолько отрезвел, что мог объяснить пораженному начальнику станции, что король изменил свой план. Поезд задымил. Мы вошли в вагон первого класса, и Запт, откинувшись на подушки, продолжал свой урок. Я посмотрел на часы – на королевских часах было ровно восемь часов.

– Мне бы хотелось знать, явились ли уже за нами? – сказал я.

– Надеюсь, что они не найдут короля! – заметил Фриц нервно, и на этот раз пожал плечами Запт.

Поезд шел быстро, и в половине девятого, выглянув из окна, я увидел башни и здания большого города.

– Ваша столица, государь! – засмеялся старый Запт, делая движение рукой, и, нагнувшись, положил палец на мой пульс. – Немного ускоренный! – сказал он своим ворчливым тоном.

– Я не каменный! – воскликнул я.

– Ничего! Вы годитесь, – отвечал он, кивнул головой. – Мы скажем, что Фриц заболел лихорадкой. Осуши свою фляжку, Фриц, ради бога!

Фриц исполнил его совет.

– Мы приехали на час раньше, – сказал Запт. – Пошлем вперед объявить о приезде вашего величества, так как никого не будет, чтобы встретить нас. А пока...

– Пока, – сказал я, – король охотно бы позавтракал!

Старик Запт засмеялся и протянул руку.

– Вы Эльфберг, чистокровный Эльфберг! – заявил он. Потом, помолчав и посмотрев на нас, сказал тихо: – Дай бог, чтобы сегодня вечером мы были живы!

– Аминь! – отвечал Фриц фон Тарленхайм.

Поезд остановился. Фриц и Запт выскочили из вагона с обнаженными головами и придержали дверь для меня. Я подавил какое-то волнение, поднимавшееся в горле, поправил шлем и (не стыжусь признаться) вознес к Богу короткую молитву. Потом я вышел на платформу Штрельзауской станции.

Через минуту все превратилось в суету и волнение: прибежали люди с шапками в руках и убегали снова; меня проводили к буфету, посланные поспешно скакали к казармам, к собору, к местопребыванию герцога Майкла. Едва я проглотил последнюю каплю кофе, колокола во всем городе разразились веселым звоном и звуки военной музыки и клики солдат поразили мой слух.

Король Рудольф Пятый вернулся в свой добрый град Штрельзау! И они кричали: «Боже! Храни короля!»

Рот старика Запта сморщился в улыбку.

– Пусть Бог хранит обоих! – прошептал он. – Смелей, мой милый!

И я почувствовал, как его рука пожала мое колено.

Глава V

Приключения исполняющего главную роль

С Фрицем фон Тарленхаймом и полковником Заптом, не отстающими от меня, я вышел из буфета на платформу. Последним моим движением было пощупать, под рукой ли револьвер и легко ли сабля ходит в ножнах. Пестрая группа офицеров и важных сановников стояла в ожидании меня, а во главе их высокий старик с военной осанкой, весь в орденах. На нем была желто-красная лента Алой розы Руритании, которая, между прочим, украшала и мою недостойную грудь.

– Маршал Штракенц! – прошептал Запт, и я понял, что нахожусь в присутствии самого знаменитого ветерана руританской армии.

За маршалом стоял невысокий худой человек в широком облачении черного и пунцового цветов.

– Канцлер королевства! – прошептал Запт.

Маршал приветствовал меня немногими искренними словами и затем передал извинения от имени герцога Штрельзауского. Герцог, по-видимому, внезапно занемог, что сделало невозможным его появление на станции, и попросил разрешения ожидать его величество в соборе. Я выразил свое соболезнование, отвечал на извинения маршала очень любезно и принял поздравления многих высокопоставленных особ. Никто не выказал ни малейшего подозрения, и я почувствовал, что успокаиваюсь и что взволнованное биение сердца умирается. Но Фриц был все так же бледен, и его рука дрожала как лист, когда он протянул ее маршалу.

Понемногу шествие образовалось, и мы направились к дверям вокзала. Я сел на лошадь, пока маршал держал мое стремя. Гражданские чины направились к своим экипажам, и я двинулся, чтобы проехать по улицам, имея маршала по правую, а Запта (которому, как моему главному адъютанту, это место принадлежало) по левую руку. Город Штрельзау складывается из старого и нового. Широкие современные бульвары и большие дома окружают и огибают узкие, извилистые и живописные улицы прежнего города. В центральных кругах живут люди высшего общества; в средних находятся магазины, а за их богатыми фасадами скрываются пестро населенные, но жалкие кварталы и переулки, наполненные бедным, беспокойным и большей частью преступным людом. Эти социальные и топографические деления совпадали, как я знал из рассказов Запта, с другим делением, более важным для меня. Новый город был за короля; но для старого города Майкл Штрельзауский был надеждой, героем и баловнем.

Зрелище было очень красиво, когда мы, миновав Большой бульвар, направились к широкой площади, где стоит королевский замок. Здесь я находился в среде своих преданных приверженцев. Каждый дом был увешан красной материей и украшен флагами и надписями. По обеим сторонам улиц были поставлены скамьи, и я проезжал между ними, кланяясь направо и налево, под градом криков, благословений и махания платков. Балконы были покрыты нарядно одетыми дамами, которые хлопали в ладоши, кланялись и кидали на меня самые веселые взгляды. Поток красных роз свалился на меня; один цветок запутался в гриве моей лошади, и я, взяв его, засунул в петлицу мундира. Маршал мрачно улыбался. Я украдкой несколько раз взглядывал на него, но он слишком хорошо владел собой, чтобы показать, был ли он расположен ко мне или нет.

– Алая роза за Эльфбергов, маршал! – сказал я весело, и он кивнул головой.

Я написал «весело», и это слово должно казаться странным. Но, сказать правду, я был пьян от возбуждения. В это время я верил, – я почти верил, что я воистину король; и со смеющимся, торжествующим взглядом снова поднял глаза на покрытые красавицами балконы... и вздрогнул! Смотри вниз на меня, со своим красивым лицом и гордой улыбкой, сидела дама, бывшая моя спутница – Антуанетта де Мобан; я видел, что она также вздрогнула, ее губы

задвигались, и она, нагнувшись, еще пристальнее стала смотреть на меня. Но я овладел собой, встретил прямо и открыто ее взгляд, хотя снова ощупал свой револьвер. А вдруг бы она громко закричала: «Это не король»!

Итак, мы проехали далее; маршал, повернувшись в седле, махнул рукой, и кирасиры сомкнулись вокруг нас, так что толпа не могла приблизиться ко мне. Мы покидали мои владения и вступали во владения герцога Майкла, и этот поступок маршала доказал мне красноречивее слов, каково было настроение этой части города. Но если судьба вознесла меня в короли, самое меньшее, что я мог сделать, это сыграть эту роль прилично.

– Почему такая перемена в нашем шествии, маршал? – спросил я.

Маршал закусил свой белый ус.

– Так безопаснее, государь! – прошептал он.

Я натянул поводья.

– Пусть передние кирасиры проедут дальше, – сказал я, – пока не будут в пятидесяти шагах впереди. Потом вы, маршал, полковник Запт и все мои друзья обождите, пока я не отъеду на пятьдесят шагов. И прошу вас, чтобы никто не ехал ближе ко мне. Я хочу, чтобы мой народ видел, как его король доверяет ему!

Запт положил руку на мою. Я оттолкнул ее. Маршал колебался.

– Разве меня не поняли? – сказал я, и, снова закусив ус, он отдал приказания.

Я видел, что старик Запт улыбнулся в бороду, хотя покачивал головой, глядя на меня. Если бы меня убили среди бела дня на улицах Штрельзау, положение Запта было бы очень трудное.

Может быть, следует упомянуть о том, что я был весь в белом, кроме сапог. На мне был серебряный с медными украшениями шлем, и широкая лента Розы красиво лежала на моей груди. Я бы не отдал справедливости королю, если бы, отложив скромность в сторону, не сознался, что я имел очень представительную наружность. То же думал народ, когда я, едучи один, вступил в мрачные, скупо украшенные, темные улицы старого города; сперва раздался шепот, потом крики, и какая-то женщина, из окна над харчевней, крикнула старую местную поговорку: «Если рыжий, так настоящий!», после чего я засмеялся и снял каску, чтобы она могла видеть, что я действительно рыжий, и народ закричал: «Ура!»

Гораздо было интереснее ехать таким образом одному, потому что я слышал замечания толпы.

– Он бледнее обыкновенного! – сказал один.

– И ты бы был бледен, если бы вел подобную жизнь! – был далеко не почтительный ответ.

– Он выше, чем я думал! – сказал другой.

– У него решительный подбородок! – заметил третий.

– Его портреты не довольно красивы! – объявила хорошенькая девушка, очень стараясь, чтобы я услышал. Без сомнения, это была простая лесть.

Но, несмотря на эти знаки одобрения и интереса, большинство народа приняло меня в молчании и косыми взглядами; портреты же моего дорогого брата украшали большинство окон, что составляло насмешливое приветствие для короля. Я порадовался, что он не видел этого неприятного зрелища. Он был человек вспыльчивый, и, может быть, не отнесся бы к этому так спокойно, как я.

Наконец мы доехали до собора. Его большой серый фасад, украшенный сотнями статуй и одними из самых красивых в Европе дубовых дверей, в первый раз предстал передо мной, и меня охватило внезапное сознание моей смелости.

Все казалось в тумане, когда я сошел с лошади. Я смутно видел маршала и Запта и так же смутно толпу великолепно одетых священников, ожидающих меня. Мои глаза еще видели неясно, когда я вошел в высокую церковь и орган зазвучал в моих ушах. Я ничего не видел из блестящей толпы, наполнявшей ее, я едва различал величественную фигуру кардинала, когда

он встал с епископского трона, чтобы приветствовать меня. Два лица, стоявшие рядом, только ясно выделились передо мной – лицо девушки, бледное и прекрасное, над которым возвышалась корона великолепных эльфберговских волос (у женщин они великолепны), и лицо человека, налитые кровью щеки которого, черные волосы и темные глубокие глаза сказали мне, что наконец я нахожусь в присутствии своего брата, Черного Майкла. Когда он увидел меня, его багровое лицо побледнело в одну секунду и его каска со звоном упала на пол. До этой минуты, я думаю, он не верил, что король действительно приехал в Штрельзау.

О том, что было дальше, я ничего не помню. Я встал на колени перед алтарем, и кардинал миропомазал меня. Потом я поднялся, протянул руку и, взяв у него корону Руритании, надел ее на голову, произнося старинную клятву королей; потом (если то был грех, да простится он мне) я причастился Святых Тайн перед всем народом. Потом снова зазвучал большой орган, маршал приказал герольдам объявить обо мне народу, и Рудольф V был коронован; картина с этой величественной церемонии висит в моей столовой. Портрет короля очень похож.

Тогда дама с благородным лицом и великолепными волосами, трон которой поддерживали два пажа, сошла со своего места и подошла ко мне. И герольд прокричал:

– Ее королевское высочество, принцесса Флавия!

Она низко присела и, положив руку под мою, подняла ее и поцеловала. Одну секунду я колебался, не зная, что мне следовало сделать.

Потом я притянул ее к себе и два раза поцеловал в щеку, и она ярко покраснела; а потом его священство кардинал скользнул перед Черным Майклом, поцеловал мою руку и подал мне письмо от папы – первое и последнее, которое я получил от этого высокопоставленного человека.

Потом подошел герцог Штрельзауский. Клянусь, что его шаг был неверен и он смотрел направо и налево, как смотрит человек, думающий о бегстве; его лицо было покрыто белыми и красными пятнами, а рука так дрожала, что выскакивала из моей, и я почувствовал, что губы его были сухи. Я взглянул на Запта, который снова улыбался в бороду, и, решительно исполняя свой долг в том положении, к которому я был так чудесно призван, взял дорогого Майкла за обе руки и поцеловал в щеку. Я думаю, мы оба были рады, когда эта церемония окончилась!

Но ни на лице принцессы, ни на чьем другом я не видал ни малейшего сомнения или вопроса. Хотя если бы король и я стояли рядом, она бы сейчас могла видеть разницу, или по крайней мере, после небольшого сравнения, но ни она, ни кто иной не подозревали, никому не могло прийти в голову, что я не король. Таким образом, сходство служило делу, и я простоял целый час, чувствуя себя уставшим и удовлетворенным, как будто я был королем всю жизнь; все целовали мою руку, и посланники являлись на поклон, а среди них старый лорд Тонгам, в доме которого, в Лондоне, я танцевал сотни раз. Слава богу, старик был слеп, как летучая мышь, и не напомнил мне нашего знакомства.

Потом мы отправились обратно через улицы во дворец, и я слышал, как народ приветствовал Черного Майкла; но он, как рассказывал мне Фриц, сидел, кусая ногти, как человек в раздумье, так что даже его друзья находили, что он должен был выказать более выдержки.

Теперь я находился в экипаже, рядом с принцессой Флавией, и какой-то грубый молодец закричал: «Когда же свадьба?» Пока он говорил, другой ударил его по лицу, крича: «Многие лета герцогу Майклу!», а принцесса залилась прелестным румянцем и стала смотреть прямо перед собой.

Но я находился в затруднении, потому что забыл расспросить Запта о степени своей привязанности к принцессе и как далеко дело зашло между ею и мной. Откровенно говоря, будь я королем, чем дальше оно бы зашло, тем более был бы я доволен. Я человек не хладнокровный и не зря поцеловал принцессу Флавию в щеку. Эти мысли промелькнули в моем мозгу, но, не будучи тверд на этой почве, я ничего не говорил; через минуту или две принцесса, которая успела успокоиться, повернулась ко мне.

– Знаете ли, Рудольф, – сказала она, – вы кажетесь сегодня иным, чем обыкновенно! Это было не удивительно, но замечание было тревожное.

– Вы кажетесь, – продолжала она, – более серьезным, более спокойным; вы почти озабочены, и, уверяю вас, вы похудели. Не может быть, чтобы вы начали к чему-нибудь относиться серьезно?

Принцесса, казалось, была о короле того же мнения, как леди Берлсдон обо мне.

Я старался поддерживать разговор.

– А вам это нравится? – спросил я тихо.

– Вы знаете мои взгляды! – сказала она, отводя глаза в сторону.

– Я стараюсь делать то, что вам нравится! – сказал я, и когда увидел, что она покраснела и улыбнулась, подумал, что играю на руку королю. И так я продолжил. И то, что я продолжил, было совершенно правдиво.

– Уверяю вас, дорогая кузина, что ничто в жизни не волновало меня больше того приема, который встретил меня сегодня!

Она весело улыбнулась, но через секунду стала снова серьезна и прошептала:

– Заметили вы Майкла?

– Да, – сказал я и прибавил: – Он выказал мало радости!

– Пожалуйста, будьте осторожны, – продолжала она. – Вы недостаточно, право, недостаточно, следите за ним. Вы знаете...

– Я знаю, что он желает получить то, что я имею!

– Да. Тише!

Тогда (и я не думаю оправдываться, потому что поручился за короля более, чем имел на то права, – я думаю, она сбила меня с позиции) я продолжал:

– И, может быть, еще то, чего я не имею, но надеюсь заслужить в близком будущем!

Таков был мой ответ. Будь я королем, я бы счел следующие слова благоприятными:

– Мало у вас ответственности на один день, Рудольф?

Бум, бум! Трах, трах! Мы были у дворца. Ружья стреляли, трубы звучали. Ряды лакеев стояли, ожидая нас, помогая принцессе подняться по широкой мраморной лестнице. Я вступил законно, как коронованный король, в дом своих предков и сел за свой стол со своей кузиной по правую руку; по другую сторону сел Черный Майкл, а по мою левую руку его священство, кардинал. За моим стулом стоял Запт; а в конце стола я увидел, как Фриц фон Тарленхайм осушил стакан шампанского немного ранее, чем то позволяло приличие.

Я же думал о том, что делает теперь король Руритании.

Глава VI

Тайна погребца

Мы находились в уборной короля – Фриц фон Тарленхайм, Запт и я. Я в полном изнеможении бросился в кресло. Запт закурил трубку. Хотя он не поздравил нас с удивительным успехом нашего смелого предприятия, но вся его наружность дышала удовольствием. Успех при помощи, может быть, хорошего вина, сделал из Фрица другого человека.

– Вот памятный день для нас, – воскликнул он. – Что ж, я бы сам согласился быть королем на один день. Но знаете, Рассендилл, вы не должны вкладывать вашего сердца в эту роль. Я не удивлюсь, что Черный Майкл был мрачнее обыкновенного: ваш разговор с принцессой был слишком оживлен!

– Как она прекрасна! – воскликнул я.

– Оставьте эту женщину в покое! – заворчал Запт. – Готовы ли вы в путь?

– Да! – сказал я со вздохом.

Было пять часов, а в двенадцать я снова буду не более, как Рудольф Рассендилл. Я сделал это замечание шутливым тоном.

– Мы будем счастливы, – заметил Запт мрачно, – если не окажетесь покойным Рудольфом Рассендиллом. Клянусь небом, я чувствую, что голова моя качается на плечах в то время, как вы находитесь в городе. Знаете ли вы, друг, что Майкл получил известия из Зенды? Он ушел один в другую комнату, чтобы прочесть письмо, и вышел оттуда, как человек в бреду.

– Я готов! – сказал я, так как эти известия не прибавили мне желания медлить.

Запт сел.

– Я должен написать приказ, чтобы нас выпустили из города. Майкл здесь губернатор, и мы должны быть готовы к препятствиям. Вы должны подписать этот приказ!

– Дорогой полковник, я не родился подделывателем чужих подписей!

Из своего кармана Запт вытащил кусок бумаги.

– Вот подпись короля, – сказал он, – а вот, – продолжал он после новых поисков в кармане, – чертежная бумага. Если вы не сумеете написать «Рудольф» через десять минут, тогда напишу я!

– Ваше воспитание полнее моего, – отвечал я. – Пишите вы!

И сей легкомысленный герой соорудил весьма сносную фальшивую подпись.

– А теперь, Фриц, – сказал он, – король ложится спать. Он утомлен. Никто не должен его видеть до девяти часов утра. Вы понимаете, никто!

– Понимаю! – отвечал Фриц.

– Может быть, явится Майкл и будет просить немедленной аудиенции. Вы ответите, что только принцы крови имеют на нее право!

– Это не понравится Майклу! – засмеялся Фриц.

– Вы вполне поняли? – спросил снова Запт. – Если эта дверь откроется в наше отсутствие, вы не останетесь в живых, чтобы сообщить нам об этом!

– Я не нуждаюсь в наставлениях, полковник! – сказал Фриц гордо.

– А вы завернитесь в этот большой плащ, – обратился Запт ко мне, – и наденьте эту плоскую шапку. Сегодня мой ординарец идет со мной к охотничьему павильону!

– Но вот препятствие, – заметил я. – Не существует той лошади, которая может пронести меня сорок миль.

– О да, две: одна здесь, одна в павильоне. А теперь готовы ли вы?

– Готов! – сказал я.

Фриц протянул руку.

– На случай... – сказал он.

И мы от души пожали друг другу руки.

– Черт побери ваши излияния! – проворчал Запт. – Пойдем!

Он двинулся, но не к двери, а к скрытому проходу в стене.

– Во времена старого короля, – сказал он, – я хорошо знал эту дорогу!

Я последовал за ним, и мы прошли, как мне показалось, шагов около двухсот вдоль узкого прохода. Наконец мы подошли к толстой дубовой двери. Запт открыл ее. Мы прошли и очутились на тихой улице, которая шла вдоль дворцовых садов. Нас ожидал человек с двумя лошадьми. Одной из них был великолепный гнедой конь, способный снести какую угодно тяжесть; другой сильный караковый. Запт шепотом велел мне садиться на гнедого. Не говоря ни слова человеку, мы сели на коней и уехали. Город был полон шума и веселья, но мы ехали уединенными улицами. Плащ окутывал наполовину мое лицо; большая плоская шапка скрывала мои слишком заметные волосы. По совету Запта, я скрючился на седле и ехал с такой горбатой спиной, какую надеюсь никогда больше не показывать на лошади. Мы ехали по узкой длинной аллее, встречая гуляющих; в дороге мы услышали, как колокола собора посылали свой привет королю. Было половина седьмого и еще светло. Наконец мы доехали до городской стены к воротам.

– Приготовь оружие, – прошептал Запт. – Мы должны заткнуть ему рот, если он начнет болтать!

Я положил руку на револьвер. Запт позвал сторожа. Но судьба была за нас. Маленькая девочка, лет четырнадцати, вышла из дому.

– Сударь, отец пошел посмотреть на короля!

– Лучше бы он остался здесь! – сказал мне Запт, ухмыляясь.

– Но он приказал, чтобы я не открывала ворот, сударь!

– Неужели, милая моя? – отвечал Запт, сходя с лошади. – В таком случае, давай мне ключ!

Ключ девочка держала в руке. Запт дал ей крону.

– Вот приказ короля. Покажи его своему отцу. Ординарец, отвори ворота!

Я спрыгнул на землю. Соединенными усилиями мы отворили большие ворота, вывели своих лошадей и заперли снова.

– Мне будет жаль сторожа, если Майкл узнает, что он был в отсутствии. Ну а теперь – рысью. Мы не должны слишком торопиться вблизи от города!

Но вне города мы мало подвергались опасности, так как все были там и веселились; и чем вечер становился темнее, тем более мы ускоряли шаг; мой великолепный гнедой мчался подо мной, словно нес перо. Ночь была прекрасная; вскоре появилась луна. Мы мало говорили и то только о пройденном пути.

– Хотелось бы узнать, что было в письмах к герцогу? – сказал я раз.

– Да, конечно, – отвечал Запт.

Мы остановились, чтобы выпить глоток вина и дать лошадям вздохнуть, теряя таким образом около получаса. Я не посмел войти в харчевню и остался с лошадьми в конюшне. Потом мы снова пустились вперед и проехали около двадцати пяти миль, когда Запт внезапно остановился.

– Слушайте, – вскричал он.

Я стал слушать. Далеко, далеко за нами в тишине вчера – было ровно половина девятого – мы услышали стук лошадиных копыт. Ветер, резко дувший нам в спины, доносил звук. Я взглянул на Запта.

– Вперед! – вскричал он и пришпорил коня в карьер. Когда мы снова остановились, чтобы послушать, стук копыт не был слышен, и мы умили шаг. Потом мы снова услышали его. Запт спрыгнул с коня и приложил ухо к земле.

– Их двое, – сказал он. – Они всего в миле от нас. Слава богу, что дорога идет извилисто и что ветер в нашу сторону!

Мы снова пустились галопом. Казалось, мы держались на одном расстоянии. Мы въехали в пределы Зендского леса, и деревья, сомкнувшись за нами по извилистой дороге, мешали нам видеть своих преследователей, а им – видеть нас.

Через полчаса мы достигли перекрестка дороги. Запт натянул повод.

– Направо лежит наша дорога, – сказал он. – Налево дорога к замку. Каждая около восьми миль длины. Слезайте.

– Но они нас настигнут! – вскричал я.

– Слезайте! – резко повторил он, и я повиновался.

Лес был очень густ, даже у самой дороги. Мы провели наших лошадей в чащу, завязали им глаза платками и встали около них.

– Вы хотите знать, кто они такие? – прошептал я.

– Да, и куда они едут! – отвечал он.

Я видел, что Запт держит револьвер в руке.

Ближе и ближе слышался стук копыт. Луна светила теперь ярко, так что вся дорога была от ее света бела. Почва была твердая, следов мы не оставили.

– Вот они! – прошептал Запт.

– Это герцог!

– Я так и думал! – отвечал он.

Это был герцог и с ним дюжий молодец, которого я знал хорошо и который впоследствии имел случай узнать меня – Макс Хольф, брат Иоганна-ключника и телохранитель его высочества. Они настигли нас; герцог натянул повод. Я видел, что палец Запта с любовью обвился вокруг курка револьвера. Я думаю, что он охотно бы дал десять лет жизни за один выстрел; и он бы мог подстрелить Черного Майкла так же легко, как я какую-нибудь сову на кровле фермы. Я положил руку на его локоть. Полковник успокоительно кивнул головой: он всегда был готов пожертвовать удовольствием во имя долга.

– Которой дорогой? – спросил Черный Майкл.

– К замку, ваше высочество, – посоветовал его спутник. – Там мы узнаем правду!

С минуту герцог колебался.

– Мне казалось, что я слышу стук копыт! – сказал он.

– Не думаю, ваше высочество!

– Почему же нам не ехать к павильону?

– Я боюсь западни. Если все благополучно, зачем нам ехать к павильону? Если же нет, это западня, чтобы захватить нас!

Внезапно лошадь герцога заржала. В одну секунду мы тесно завернули наши плащи вокруг голов наших лошадей и, держа их таким образом, стали целить револьверами в герцога и его слугу. Если бы они нашли нас, мы бы убили их или захватили в плен.

Майкл еще обождал минуту. Потом вскричал: «Итак, к Зенду!», всадил шпоры в коня и карьером пустился вперед.

Запт поднял вслед за ним свое оружие, и на его лице появилось такое живое выражение сожаления, что я употребил большое усилие, чтобы не расхохотаться.

Минут десять мы оставались на том же месте.

– Видите, – сказал Запт, – они прислали ему известие, что все благополучно!

– Что это значит? – спросил я.

– Бог знает, – сказал Запт, мрачно хмурясь. – Но это известие привлекло его из Штрельзау с редкой поспешностью!

Тут мы сели в седла и поехали так скоро, как наши усталые лошади могли нести нас. Последние восемь миль мы не говорили больше. Наши сердца были полны страха. Все благополучно! Что это значит? Все ли благополучно с королем?

Наконец появился и павильон. Пришпоря лошадей в последний раз, мы доскакали до калитки. Все было тихо и спокойно. Ни одна душа не вышла к нам навстречу. Мы поспешно спрыгнули с коней. Вдруг Запт схватил меня за руку.

– Смотрите сюда! – сказал он, указывая на землю.

Я посмотрел вниз. У моих ног лежали пять или шесть шелковых платков, измятых, изрезанных и порванных. Я вопросительно повернулся к нему.

– Это те, которыми я связал старуху! – сказал он. – Привяжем лошадей и пойдем!

Ручка двери повернулась без сопротивления. Мы вошли в комнату, где прошлой ночью происходила попойка. В ней еще были раскинуты остатки нашего ужина и пустые бутылки.

– Дальше! – вскричал Запт, которому его удивительное хладнокровие начинало изменять.

Мы кинулись вниз по коридору, по направлению к погребам. Дверь угольного погреба стояла широко открытой.

– Они нашли старуху! – сказал я.

– Об этом можно было догадаться по платкам! – уточнил он.

Тогда мы подошли к дверям винного погреба. Они были закрыты и казались совершенно такими, какими мы оставили их утром.

– Все благополучно! – сказал я.

Но тут прозвучало громкое проклятье Запта. Его лицо побледнело, и он снова указал на землю. Из-под двери расплылось по полу красное пятно и застыло там. Запт уперся о противоположную стену. Я дернул дверь. Она была закрыта.

– Где Иозеф? – пробормотал Запт.

– Где король? – отвечал я.

Запт вытащил фляжку и поднес к своим губам. Я побежал обратно в столовую и схватил тяжелые щипцы от камина. В страхе и возбуждении я осыпал ударами замок двери и выпустил в него заряд. Наконец замок отскочил, и дверь открылась.

– Дайте мне свечку! – сказал я; но Запт все стоял, прислонившись к стене.

Он, конечно, был более взволнован, так как любил своего господина. За себя он не боялся – никто не видал его испуганным: но при мысли, что находилось в этом темном погребе, лицо всякого человека могло побледнеть. Я взял сам серебряный подсвечник со стола в столовой и зажег свечу; возвращаясь, я почувствовал, как горячий воск капал на мою голую руку, так как свеча качалась взад и вперед; поэтому я не имею права презирать полковника Запта за его волнение.

Я дошел до дверей погреба. Красное пятно, принимая все более и более коричневый оттенок, распространилось внутри. Я сделал два шага в середину погреба и поднял свечу высоко над головой. Я увидел бочки, полные вина; я увидел пауков, ползающих по стенам, я увидел также пару пустых бутылок, лежащих на полу; а потом, далеко в углу, я увидел тело человека, лежащего на спине, с широко расставленными руками и кровавой раной на шее. Я подошел к нему и, став на колени около него, поручил Богу душу этого верного человека. Это было тело Иозефа, маленького слуги, убитого во время охраны короля.

Я почувствовал руку на своем плече и, повернувшись, увидел глаза Запта, блестящие, с выражением ужаса, рядом с собой.

– Король? Боже мой! Король? – причитал он хрипло. Я повел свечой кругом по всему погребу.

– Короля здесь нет! – сказал я.

Глава VII

Его величество ночует в Штрельзау

Я поддержал Запта и вывел его из погреба, плотно заперев за собой расшатанную дверь. Минут десять или более мы молча сидели в столовой. Потом старик Запт протер кулаками глаза, тяжело вздохнул и снова стал самим собой. Часы на камине пробили час, и он, топнув ногой по полу, сказал:

– Они овладели королем!

– Да, – отвечал я, – все благополучно, как сказано в депеше к Черному Майклу. Что за минута должна была быть для него, когда раздалась пальба в честь короля сегодня утром в Штрельзау! Хотелось бы узнать, когда он получил это известие?

– Должно быть, оно было послано утром, – сказал Запт. – Они, вероятно, послали раньше, чем слух о вашем приезде в Штрельзау дошел до Зенды, я думаю, что вести шли из Зенды!

– И он весь день носился с ними! – воскликнул я. – Клянусь честью, я не один провел сегодня тяжелый день. Что думал он, Запт?

– Не все ли равно, что думает он теперь?

Я встал.

– Мы должны вернуться в город, – сказал я, – и собрать армию в Штрельзау. Нам следует пуститься в погоню за Майклом раньше полудня!

Старик Запт вытащил трубку и бережно закурил ее от свечки, которая горела на столе.

– Король может быть убит, пока мы сидим здесь! – настаивал я.

Запт курил минуту молча.

– Проклятая старуха! – вырвалось у него. – Она, вероятно, как-нибудь привлекла их внимание. Я вижу всю игру. Они явились, чтобы захватить короля – и, как я говорю, – каким-то образом нашли его. Если бы мы не отправились в Штрельзау, вы, и я, и Фриц, все были бы в раю теперь!

– А король?

– Кто знает, где теперь король! – заметил он.

– Итак, двинемся в путь! – сказал я, но он сидел неподвижно. Вдруг он разразился своим хриплым смехом:

– Клянусь Юпитером, мы задали немалую тревогу Черному Майклу!

– Поедем, поедем! – повторил я нетерпеливо.

– И мы побеспокоим его еще немного, – прибавил он, пока хитрая улыбка расплывалась по его морщинистому загорелому лицу и зубы кусали кончик седого уса. – Да, милый мой, мы поедем обратно в Штрельзау. Король будет снова в своей столице завтра!

– Король?

– Коронованный король!

– Вы сошли с ума! – вскричал я. – Если мы вернемся и расскажем, какую шутку мы сыграли, что дадите вы за нашу жизнь?

– То, чего она стоит! – сказал Запт.

– А за королевский трон? Думаете ли вы, что высшему классу и народу понравится быть в том дурацком положении, в какое мы поставили их? Думаете ли вы, что они будут любить короля, который был слишком пьян, чтобы короноваться, и послал своего слугу, чтобы заменить себя?

– Его опоили, а я не слуга!

– Я говорю то, что скажет Черный Майкл!

Он встал, подошел ко мне и положил руку на мое плечо.

– Милый мой, – сказал он, – если вы будете играть вашу роль, вы можете еще спасти и короля. Ступайте назад и поберегите его трон для него!

– Но герцог знает, негодяи, которых он посылал сюда, знают.

– Да, но они не могут ничего сказать! – заревел Запт, мрачно торжествуя. – Мы их поймали! Как могут они выдать нас, не выдавая себя? «Это не король, потому что мы похитили короля и убили его слугу». Могут ли они сказать это?

Положение уяснилось. Знает Майкл обо мне или нет, он ничего не может сказать. Не вернув короля, что мог он сделать? А если он вернет короля, каково будет его положение? С минуту все эти соображения завлекли меня далеко, но скоро я стал считаться и со всеми трудностями.

– Мой обман откроется! – сказал я.

– Может быть, но каждый час дорог. Важнее всего – это иметь короля в Штрельзау, не то город перейдет к Майклу в двадцать четыре часа, и что будет тогда с жизнью короля – или его трон? Вы должны решиться!

– Предположим, что они убьют короля!

– Они его убьют, если вы не решитесь!

– Запт, предположим, что они уже убили короля?

– Тогда, клянусь небом, вы такой же Эльфберг, как и Черный Майкл, и вы будете царствовать в Руритании! Но я не думаю, чтобы они совершили это убийство, и не совершат, пока вы будете на троне. Не убьют же они его, чтобы посадить на трон вас?

План был смелый, смелее и безнадежнее того, который мы недавно привели в исполнение; но, слушая Запта, я увидел и сильные стороны нашей игры. Кроме того, я был молод и любил борьбу, а мне предлагали участие в такой игре, в которую, может быть, ни один человек доселе не играл.

– Мой обман откроется! – сказал я.

– Может быть, – отвечал Запт. – Пойдем в Штрельзау. Мы будем пойманы, как крысы в западне, если останемся здесь.

– Запт, – вскричал я, – я попробую!

– Молодец, – отвечал он. – Надеюсь, они оставили нам лошадей. Пойду посмотрю.

– Мы должны похоронить этого бедного малого! – заметил я.

– Времени нет, – отвечал Запт.

– Я успею!

– Что с вами? – осклабился он. – Я вас делаю королем! Ну, что же, хороните. Пойдите, принесите его, пока я посмотрю, есть ли лошади. Нельзя будет зарывать его глубоко, но едва ли это его огорчит. Бедный Иозеф! Он был человек честный!

Он вышел, а я отправился в погреб. Я поднял бедного Иозефа на руки и вынес в коридор, а оттуда к входным дверям дома. Около них я положил его на пол, вспомнив, что следует найти заступы для нашей работы. В эту минуту Запт вернулся.

– Лошади здесь, между ними родной брат той, которая принесла вас сюда. Но вы можете освободить себя от этого труда!

– Я не уеду, пока не похороню его!

– Нет, уедете!

– Ни за что, полковник Запт, даже за всю Руританию!

– Глупец, – возразил он. – Подойдите сюда! – Он привлек меня к дверям.

Луна садилась, но приблизительно шагах в трехстах вдали двигалась по дороге из Зенды группа людей. Их было семь или восемь; четверо были верхами, остальные шли пешком; я видел, что они несли что-то длинное на плечах, и догадался, что то были заступы и мотыги.

– Они за вас исполняют работу, – сказал Запт. – В путь!

Он был прав. Приближающиеся люди были, без сомнения, слуги герцога Майкла, шедшие, чтобы скрыть следы своего злого дела. Я далее не колебался, но меня охватило непреодолимое желание. Указывая на труп бедного маленького Иозефа, я сказал Запту:

– Полковник, мы должны отомстить за него!

– Вам бы хотелось дать ему товарищей, а? Но это дело слишком рискованное, ваше величество!

– Я должен немного заняться ими! – продолжал я.

Запт заколебался.

– Что ж, – отвечал он, – оно к делу не идет, но вы были мальчиком послушным, и если мы тут погибнем, черт возьми, вас это избавит от лишних хлопот. Я покажу вам, как напасть на них!

Он осторожно запер полуоткрытую дверь. После этого мы прошли весь дом и дошли до заднего хода. Здесь стояли наши лошади. Широкая дорога огибала весь павильон.

– Готов ли револьвер? – спросил Запт.

– Нет, я приготовил саблю! – отвечал я.

– Черт, вам крови захотелось сегодня, – засмеялся он. – Пусть будет по-вашему!

Мы сели наконец, вынули сабли и молча ждали минуты две. Тогда мы услышали шаги людей на дороге по другую сторону дома. Они остановились, и один из них воскликнул:

– Ну, выноси его из дома!

– Теперь! – прошептал Запт.

Всадив шпоры в коней, мы карьером кинулись в объезд дома и через секунду были среди негодяев. Запт потом говорил мне, что убил человека, и я ему верю; но я более его не видал. Одним ударом я рассек голову какого-то молодца на гнедой лошади, и он упал на землю. После этого я очутился против высокого человека, наполовину сознавая, что еще другой находится по мою правую руку. Бездействие было опасно, и одним движением я всадил шпоры в коня и мою саблю прямо в грудь высокому человеку. Его пуля прожужжала мимо моего уха – я почти был уверен, что она меня задела. Я хотел вытянуть саблю из убитого, но она не поддалась, и я, бросив ее, пустился за Заптом, которого теперь увидел шагах в двадцати впереди. Я махнул рукой на прощанье и с криком опустил ее; пуля задела палец, и я почувствовал, как полилась кровь. Старик Запт повернулся в седле. Кто-то снова выстрелил, но у негодяев не было ружей, и мы были вне опасности. Запт стал смеяться.

– На мою долю один, на вашу два, удачно! – сказал он. – Маленькому Иозефу будут товарищи! Хотел бы я знать, заметили ли они нас?

– Высокий молодец заметил; когда я его ударил, то слышал его восклицание: «Король!»

– Хорошо! Хорошо! О, мы зададим еще трезвому Черному Майклу!

Остановившись на минуту, мы перевязали мой раненый палец, из которого текла кровь и который мучительно болел, так как кость была сильно задета. После того мы пустились в путь, требуя от наших лошадей всех усилий, на какие они были способны. Возбуждение схватки и нашего серьезного предприятия утихло, и мы ехали в мрачном молчании. День начинался ясный и холодный. У только что проснувшегося фермера мы потребовали подкрепления для себя и для лошадей. Под предлогом зубной боли я, как мог, закрыл плащом лицо. Потом снова в путь, пока Штрельзау не появился перед нами. Было часов восемь или около девяти, и все ворота были открыты, как и всегда, исключая того времени, когда капризы или интриги герцога запирали их. Мы ехали той же дорогой, которой выехали накануне вечером, все четверо – люди и лошади, усталые и измученные. Улицы были даже спокойнее, чем при нашем отъезде; каждый высыпался после ночных празднеств, и мы почти никого не встретили до самой маленькой калитки дворца. Здесь нас поджидал старый слуга Запта.

– Все ли благополучно, сударь? – спросил он.

– Все, – отвечал Запт, и человек этот, подойдя ко мне, взял мою руку, чтобы поцеловать ее.

– Король ранен! – воскликнул он.

– Ничего, – сказал я, сходя с лошади, – мой палец попал между дверями!

– Помни – молчание! – сказал Запт. – Но, впрочем, мой добрый Фрейлер, совершенно лишнее тебе это повторять!

Старик пожал плечами.

– Все молодые люди ездят иногда по своим делам, почему же королю не ездить? – заметил он.

Смех Запта не изменил его предположений о причине моей поездки.

– Всегда лучше довериться человеку, – сказал Запт, всаживая ключ в замок, – насколько, конечно, это нужно!

Мы вошли и добрались до уборной. Распахнув дверь, мы увидели Фрица фон Тарленхайма, лежащего одетым на диване. Он, казалось, спал, но наше появление разбудило его. Он вскочил, кинул на меня взгляд и с радостным криком бросился на колени передо мной.

– Слава богу! Государь, слава богу! Вы невредимы! – воскликнул он, протягивая руку, чтобы схватить мою.

Признаюсь, я был тронут. Этот король, со всеми своими недостатками, умел внушать любовь окружающим. Целую минуту я не мог заставить себя говорить и разбить иллюзии доброго малого. Но закаленный старик Запт не испытал этого чувства. Он хлопнул себя рукой по ноге с восторгом.

– Браво, мальчуган, – вскричал он. – Очень хорошо!

Фриц растерянно посмотрел на нас. Я протянул руку.

– Вы ранены, государь? – воскликнул он.

– Только царапина, – сказал я, но остановился.

Фриц встал с растерянным выражением. Держа меня за руку, он оглядел меня сверху вниз и снизу вверх. Потом вдруг бросил мою руку и отшатнулся назад.

– Где король? Где король? – закричал он.

– Тише, дурак! – прошипел Запт. – Не так громко! Вот король!

У дверей раздался стук. Запт схватил меня за руку.

– Сюда, скорее, в спальню! Снимайте шапку и сапоги. Полезайте на кровать. Спрячьте всё!

Я исполнил его приказание. Минуту спустя Запт заглянул снова, покивал, ухмыльнулся и ввел очень нарядного и почтительного молодого человека, который подошел к моей кровати с частыми поклонами и доложил, что он принадлежит к дому принцессы Флавии и что ее королевское высочество прислала его специально, чтобы узнать, как здоровье короля после того утомления, которое его величество перенесли накануне.

– Передайте моей кухне мою горячую благодарность, – сказал я, – и скажите ее королевскому высочеству, что я во всей своей жизни не чувствовал себя лучше!

– Король, – прибавил старик Запт (который, я начинал убеждаться, иногда лгал из любви к искусству), – проспал всю ночь не просыпаясь!

Молодой человек (он напомнил мне Озрика из «Гамлета») с поклонами вышел вон. Комедия окончилась, и бледное лицо Фрица фон Тарленхайма призывало нас к действительности, хотя, в сущности, комедия становилась для нас действительностью.

– Неужели король умер? – прошептал он.

– Дай бог, чтобы нет, – отвечал я. – Но он в руках Черного Майкла!

Глава VIII

Светлая кухня и темный брат

Жизнь настоящего короля, вероятно, тяжела, но исполняющего роль короля, я ручаюсь, гораздо тяжелее. На следующий день Запт научил меня моим обязанностям, что я должен делать и что должен знать, в течение трех часов; потом я наскоро позавтракал. Запт, сидя против меня, говорил мне, что король по утрам всегда пил белое вино и терпеть не мог пряных блюд.

Потом явился канцлер, также часа на три; ему я должен был объяснить, что мой ушибленный палец (мы воспользовались этой раной) мешал мне писать; началась суета, ссылки на прошлые случаи и так далее, которые окончились тем, что я поставил какой-то знак, а канцлер засвидетельствовал его, с избытком торжественных клятв. Потом представлялся французский посланник, предъявляя свои верительные грамоты; в этом случае мое невежество не имело значения, так как и король знал очень мало. (Мы приняли весь *Corps diplomatique*¹ в течение следующих дней, переход власти в другие руки требовал всей этой суматохи.)

Наконец я остался один. Я позвал своего нового слугу (мы выбрали, чтобы заменить Иозефа, молодого человека, никогда не выдавшего короля), велел принести водки и воды и заметил Запту, что теперь могу надеяться на отдых.

Фриц фон Тарленхайм стоял тут же.

– Клянусь небом, – вскричал он, – мы теряем время. Неужели мы не соберемся задать страху Черному Майклу?

– Тише, сын мой, тише, – сказал Запт, морща брови. – Это доставило бы нам большое удовольствие, но могло бы стоить дорого. Неужели Майкл падет, оставив короля в живых?

– А кроме того, – подсказал я, – пока король здесь, в Штрельзау, на своем престоле, какие могут быть у него неудовольствия против дорогого брата Майкла?

– Неужели мы не должны ничего предпринимать?

– Мы не должны предпринимать ничего глупого! – проворчал Запт.

– Мне это напоминает, Фриц, – сказал я, – содержание одной из наших английских комедий-критик, не слыхали ли вы о ней? Или еще о двух соперниках, наводящих друг на друга револьвер. Я не могу выдать Майкла, не выдавая себя!

– И короля! – вставил Запт.

– А Майкл выдаст себя, если будет стараться выдать меня!

– Это очень мило! – сказал старый Запт.

– Если я буду уличен, – продолжал я, – то стану играть в открытую игру и поборюсь с герцогом, но пока я жду его хода!

– Он убьет короля! – вскричал Фриц.

– Нет! – отвечал Запт.

– Трое из Шестерки в Штрельзау! – продолжал Фриц.

– Только трое, вы уверены? – спросил Запт живо.

– Да, только трое!

– Значит, король жив, и остальные трое сторожат его! – воскликнул Запт.

– Да, вы правы! – подхватил Фриц с прояснившимся лицом. – Если бы король умер и был похоронен, они все были бы здесь с Майклом. Вы знаете, что Майкл вернулся сюда, полковник?

– Знаю, будь он проклят!

– Господа, господа, – сказал я, – кто эта Шестерка?

¹ Дипломатический корпус (фр.).

– Я думаю, вы скоро с ней познакомитесь, – отвечал Запт. – Это шесть человек, которых Майкл держит у себя в доме; они преданы ему душой и телом. Из них три руританца, затем один француз, один бельгиец и один – ваш соотечественник!

– Они не задумаются зарезать человека, если им прикажет Майкл! – окончил Фриц.

– Может быть, они зарежут и меня? – подсказал я.

– Весьма вероятно! – согласился Запт. – Которые из них здесь, Фриц?

– Де Готэ, Берсонин и Детчард!

– Иностранцы! Ясно, как день. Он привез их и оставил руританцев с королем; это для того, чтобы вовлечь в это дело руританцев как можно дальше!

– Значит, из них никого не было около павильона между нашими друзьями? – спросил я.

– Жаль, что их не было, – отвечал Запт с сожалением. – Теперь бы их было не шесть, а четыре.

Я успел уловить в себе один из признаков власти – сознание, что не следует открывать всех моих мыслей или тайных намерений даже самым близким друзьям. Я твердо наметил себе будущие действия. Я хотел достичь возможно большей популярности и вместе с тем не выказывать никакой неприязни Майклу. Этими средствами я надеялся смягчить враждебность его приверженцев и доказать, если бы произошло открытое столкновение, что он человек не угнетенный, а просто неблагодарный.

Но я не желал открытого столкновения. Интересы короля требовали тайны; и пока тайна была соблюдена, мне в Штрельзау предстояла интересная игра. Майкл от промедления не мог стать сильнее.

Я приказал подать лошадь и, сопровождаемый Фрицем фон Тарленхаймом, поехал по большой новой аллее королевского парка, отвечая на поклоны с величайшей учтивостью. Потом я проехал по некоторым улицам, остановился и купил цветов у хорошенькой девушки, заплатив ей золотой монетой; после этого, достаточно привлекая желаемое внимание (за мной тянулся хвост человек из пятисот), я направился ко дворцу принцессы Флавии и спросил, может ли она принять меня. Этот поступок вызвал большое сочувствие и был встречен криками удовольствия. Принцесса была очень популярна, и сам канцлер не постеснялся намекнуть мне, что чем решительнее я буду ухаживать за ней и чем скорее я доведу дело до счастливого окончания, тем горячее будут чувства подданных ко мне. Канцлер, конечно, не мог знать, какие препятствия находились на пути к его искреннему и прекрасному совету. Но все же мне казалось, что мое посещение не могло принести вреда; в этом Фриц поддерживал меня с горячностью, удивившей меня, пока он не признался, что и у него была причина посещать дом принцессы, и эта причина – сильное желание видеть фрейлину, лучшую подругу принцессы, графиню Хельгу фон Штрофцин.

Этикет осуществил надежды Фрица. Пока меня вводили в гостиную принцессы, он оставался с графиней в первой комнате; несмотря на присутствие посторонних и слуг, находящихся здесь, я не сомневаюсь, что он умудрился устроить себе с ней тет-а-тет; но у меня не хватало времени думать о них, так как я делал теперь самый тонкий ход во всей моей трудной игре. Мне надо было поддержать привязанность принцессы ко мне – и вместе с тем ее равнодушие; я должен был выказать ей любовь – и не испытывать ее. Я должен был разыгрывать влюбленного с девушкой, которая была прекраснее всех, виденных мною. Я старался приспособиться к этой роли, которая была нелегка, при виде того прелестного замешательства, которое встретило меня. Как я сыграл свою роль, будет видно из всего последующего.

– Вы заслуживаете золотых лавров, – сказала она. – Вы точно тот принц у Шекспира, который изменился, став королем. Но я забываю, что вы король, государь!

– Прошу вас говорить только то, что подсказывает вам сердце, и называть меня только по имени!

Она с минуту смотрела на меня.

– Я радуюсь и горжусь, Рудольф, – сказала она. – Но, как я уже говорила вам, даже ваше лицо изменилось!

Я оценил похвалу, но предмет разговора мне не понравился; я сказал:

– Брат мой вернулся, я слышал. Он совершил далекую экскурсию, не правда ли?

– Да, он здесь! – отвечала она, слегка хмурясь.

– Он не может долго оставаться вдали от Штрельзау, как видно, – заметил я, улыбаясь. –

Что ж, мы рады его видеть. Чем он ближе к нам, тем лучше!

Принцесса взглянула на меня с веселым блеском в глазах.

– Почему, Рудольф? Не потому ли, что вам легче...

– Следить за ним? Может быть, – сказал я. – Чему вы радуетесь?

– Я не сказала, что радуюсь! – отвечала она.

– Но другие говорят это о вас!

– Много есть дерзких людей! – сказала она с восхитительной надменностью.

– Вероятно, вы хотите сказать, что я из их числа?

– Ваше величество не может быть дерзким, – отвечала она, приседая с притворным уважением, но прибавив лукаво, спустя минуту: – Только разве...

– Что ж, только когда?

– Только если вы скажете мне, что меня хоть на секунду интересует, где находится герцог Штрельзауский!

Право, мне было жаль, что я не король.

– Вам все равно, где брат Майкл?

– О, брат Майкл! Я зову его герцогом Штрельзауским!

– Но при встречах вы называете его братом Майклом?

– Да, по приказанию вашего отца!

– Понимаю. А теперь по моему?

– Если таково ваше приказание!

– Без сомнения! Мы все должны быть любезны с нашим дорогим Майклом!

– Вы, вероятно, прикажете мне принимать также его друзей?

– Шестерку?

– Вы также зовете их таким образом?

– Чтобы следовать моде, зову. Но я приказываю вам принимать только тех, кого вы пожелаете!

– Исключая вас!

– За себя я прошу. Приказывать я не могу!

Пока я говорил, на улице послышались крики. Принцесса подбежала к окну.

– Это он! – вскричала она. – Это герцог Штрельзауский!

Я улыбнулся, но ничего не сказал. Она вернулась на свое место. Несколько минут мы сидели молча. Шум на улице стих, но я слышал шаги в первой комнате. Я начал говорить об общих вопросах. Так прошло еще несколько минут. Я спрашивал себя, куда девался Майкл, но думал, что мне не следует в это вмешиваться. Внезапно, к большому моему удивлению, Флавия, всплеснув руками, спросила взволнованным голосом:

– Неужели с вашей стороны благоразумно сердить его?

– Что? Кого? Каким образом сержу я его?

– Заставляя его ждать!

– Милая кузина, я вовсе не желаю заставлять...

– Так что ж, может он войти?

– Конечно, если вы желаете!

Она с любопытством посмотрела на меня.

– Какой вы смешной, – сказала она. – Ведь нельзя было доложить о нем, пока я сижу с вами!

Вот прекрасное преимущество королевского достоинства!

– Великолепный этикет! – вскричал я. – Но я совершенно забыл; а если бы я сидел с кем-нибудь другим, о вас можно было бы доложить?

– Вы знаете так же хорошо, как и я. Обо мне всегда можно доложить, потому что я королевской крови! – И она продолжала с удивлением смотреть на меня.

– Я никогда не был в состоянии помнить все эти глупые правила, – сказал я довольно неудачно, внутренне кляня Фрица, который ничего не сказал мне о них. – Но я заглажу свою ошибку!

Я вскочил, открыл дверь и вышел в первую комнату. Майкл сидел у стола с мрачным нахмуренным лицом. Все присутствующие стояли, исключая дерзкого мальчишки Фрица, который, развалившись покойно в кресле, заигрывал с графиней Хельгой. Он вскочил при моем входе с почтительной живостью, которая еще более подчеркнула его прежнюю небрежность. Мне было нетрудно понять, почему герцог не любил Фрица.

Я протянул руку, Майкл взял ее, и я обнял его. Потом я повел его с собой во вторую гостиную.

– Брат, – сказал я, – если бы я знал, что вы здесь, вы бы не ждали и минуты, и я попросил бы у принцессы разрешения ввести вас к ней!

Он холодно поблагодарил меня. У этого человека было много качеств, но он не умел скрыть своих чувств. Даже совершенно посторонний человек заметил бы, что он ненавидит меня и ненавидит сильнее всего рядом с принцессой Флавией; но я убежден, что он старался скрыть свои чувства и уверить меня, что он искренно верит, что я король. Я не знал всего, конечно; но даже если король умел притворяться еще сильнее и умнее меня (а я начинал гордиться своим исполнением этой роли), Майкл не мог этому верить. А если он не верил, как его должно было приводить в ярость то, что я называл его – Майкл, а ее – Флавией.

– У вас ранена рука, государь! – заметил он с участием.

– Да, я играл с одной полукровной собакой (я хотел рассердить его), а вы, брат, знаете, что у них нрав злой!

Он горько улыбнулся, и его темные глаза остановились на мне с минуту.

– Но разве укус опасен? – вскричала Флавия тревожно.

– На этот раз нет, – сказал я. – Если бы я дал возможность укусить себя глубже, тогда другое дело, кухня!

– Неужели собаку не убили? – спросила она.

– Еще нет. Мы ждем, чтобы убедиться, вреден ли ее укус!

– А если вреден? – спросил Майкл со своей горькой улыбкой.

– Ей раскроют голову, брат! – ответил я.

– Вы не будете больше играть с ней? – спросила Флавия.

– Может быть, и буду!

– Но она может еще укусить!

– Без сомнения, она попытается! – сказал я, улыбаясь.

Тут, боясь, что Майкл скажет что-нибудь такое, на что я должен буду рассердиться (так как хотя я мог показывать ему свою ненависть, но по виду должен был казаться дружелюбным), я стал восхищаться прекрасным состоянием его полка, выразившего искренне верноподданническое чувство при моей встрече в день коронации. Потом я перешел к восторженному описанию охотничьего павильона, который он одолжил мне. Но он внезапно поднялся. Его самообладание ускользало из его власти, и, извинившись, он простился с нами. Впрочем, подходя к дверям, он остановился и сказал:

– Трое из моих друзей очень желают чести быть вам представленными, государь. Они здесь, в первой комнате!

Я немедленно присоединился к нему и просунул руку под его локоть. Выражение его лица было слаще меда. Мы вышли в первую комнату совершенно по-братски. Майкл сделал знак, и три человека выступили вперед.

– Эти господа, – сказал Майкл с любезностью, полной достоинства, которую он легко и грациозно умел выражать, – самые верные и преданные слуги вашего величества, а мои самые верные, преданные друзья!

– Благодаря второй, так же как и первой причине, – сказал я, – я очень рад их видеть!

Они подошли один за другим и поцеловали мне руку – де Готэ, высокий худощавый молодец, с торчащими вверх волосами и подкрученными усами; Берсонин, бельгиец, осанистый человек средних лет с лысой головой (хотя ему было немного более тридцати лет), и последний, англичанин Детчард, с узким загорелым лицом и коротко остриженными светлыми волосами. Он был хорошо сложен, широк в плечах и узок в бедрах.

«Хороший боец, но плохой знакомец», – определил я его. Я заговорил с ним по-английски, со слегка иностранным произношением, и, клянусь, он улыбнулся, хотя немедленно скрыл улыбку.

«Итак, мистер Детчард посвящен в тайну!» – подумал я.

Отделавшись от моего дорогого брата и его друзей, я вернулся проститься с кухней. Она стояла на пороге. Я простился с ней, взяв ее за руку.

– Рудольф, – сказала она очень тихо, – будьте осторожны, пожалуйста!

– Почему?

– Вы знаете: я не могу сказать. Подумайте о том, что жизнь ваша дорога!

– Кому?

– Руритании!

Был ли я прав или не прав, играя эту роль? Не знаю; зло лежало и в том и в другом, а я не смел открыть ей правды.

– Только Руритании? – спросил я тихо.

Внезапный румянец разлился по ее несравненному лицу.

– И вашим друзьям также! – сказала она.

– Другам?

– И вашей кухне, любящей подданной! – прошептала она.

Я не мог говорить, поцеловал ее руку и вышел, проклиная себя, потом позвал господина Фрица, который, не обращая внимания на слуг, играл в веревочку с графиней Хельгой.

– Что же делать, – сказал он, – нельзя же только заниматься заговорами! Иногда любовь берет верх!

– Начинаю думать, что это правда! – отвечал я; и Фриц, шедший рядом со мной, отступил почтительно назад.

Глава IX

Новое употребление чайного стола

Если бы я посвятил читателей в мелкие подробности моего существования в то время, они показались бы поучительными людям, мало знакомым с дворцовой жизнью; если бы я открыл некоторые тайны, которые узнал тогда, они могли бы быть полезны государственным людям Европы. Но я намерен ничего не рассказывать. Я очутился бы между Сциллой скуки и Харибдой нескромности и сознаю, что лучше всего мне строго придерживаться подпольной драмы, которая разыгралась вне политики Руритании. Я могу только сказать, что тайне моего обмана часто грозило разоблачение. Я делал ошибки, со мной случались неудачи: требовались весь такт и вся любезность, которыми я располагал, чтобы загладить кажущиеся пробелы памяти и большую забывчивость по отношению к старым знакомым, в чем я попадался часто. Но я избежал разоблачения, что приписываю, как сказал раньше, более всего смелости моего предприятия.

Однажды Запт вошел ко мне в комнату. Он кивнул мне на письмо, говоря:

– Это вам. Кажется, женская рука. Но сначала сообщу вам кое-какие известия.

– Что еще?

– Король находится в Зендском замке! – сказал он.

– Откуда вы это знаете?

– Потому что остальная половина Майкловой Шестерки находится там. Я наводил справки, и они все там – Лауэнграм, Крифштейн и молодой Руперт Гентцау; клянусь честью, три отборнейших негодяя из всех живущих в Руритании!

– Так что же?

– Фриц хочет, чтобы вы отправились в замок с пехотой, кавалерией и артиллерией.

– Чтобы засыпать ров? – спросил я.

– Что-то в этом роде, – осклабился Запт, – но тогда мы не нашли бы и трупа короля.

– Вы убеждены, что он находится там?

– Весьма вероятно: так, кроме пребывания в замке трех негодяев, существуют другие доказательства – мост всегда поднят, никто не может войти в замок или выйти из него без разрешения молодого Гентцау или даже самого Черного Майкла. Нам придется связать Фрица.

– Я отправлюсь в Зенду! – сказал я.

– Вы сошли с ума!

– Может быть, сойду когда-нибудь!

– Возможно, если же вы отправитесь, то, очень вероятно, там и останетесь.

– Это очень возможно, друг мой! – сказал я небрежно.

– Его величество не в духе, – заметил Запт. – Что ваша любовная интрига?

– Придержите-ка язык! – отвечал я.

Он с минуту смотрел на меня, затем закурил трубку. Его замечание, что я не в духе, было совершенно верно, и я продолжал злобно:

– Куда я ни направлюсь, меня преследуют с полдюжины молодцов.

– Знаю. Я их посылаю! – отвечал он сдержанно.

– Зачем?

– Затем, – сказал Запт, продолжая курить, – что для Майкла было бы не особенно неприятно, если бы вы исчезли. С вашим исчезновением старая игра, которую мы остановили, была бы сыграна, или он снова бы принялся за нее.

– Я могу сам себя уберечь!

– Де ГотЭ, Берсонин и Детчард находятся в Штрельзау, и каждый из них, милый мой, способен порвать вам горло так же охотно, как я перерезал бы Черному Майклу, и гораздо более предательски. Что это за письмо?

Я распечатал письмо и прочел вслух:

– «Если король желает узнать то, что весьма необходимо знать королю, пусть он поступит, как это письмо ему посоветует. В конце Новой Аллеи в большом саду стоит дом. У дома подъезд со статуей нимфы. Сад окружен стеной; на задней стороне стены находится калитка. Сегодня в 12 часов ночи, если король пойдет один через калитку, повернет направо и пройдет двадцать шагов, он найдет беседку, к которой ведет лестница из шести ступенек. Если он поднимется по ней и войдет, то увидит там кое-кого, кто откроет ему то, что близко касается его жизни и престола. Письмо это написано верным другом. Король должен быть один. Если он не обратит внимания на это приглашение, его жизнь будет в опасности. Пусть он письмо не показывает никому, или он погубит женщину, которая его любит: Черный Майкл не прощает».

– Нет, – заметил Запт, когда я кончил, – он умеет диктовать интересные письма!

Я пришел к тому же заключению и собирался бросить письмо в сторону, когда заметил, что и на другой стороне листа что-то написано.

– Посмотрите, еще есть продолжение!

«Если будете колебаться, – продолжал написавший, – посоветуйтесь с полковником Заптом».

– Что! – вскричал тот, искренно удивленный. – Неужели он думает, что я еще глупее вас?

Я сделал ему знак помолчать.

«Спросите его, какая женщина будет сильнее всего противиться женитьбе герцога на его кузине и тем помешать ему стать королем? Спросите, не начинается ли ее имя на А?»

Я вскочил на ноги. Запт положил свою трубку.

– Антуанетта де Мобан, клянусь небом! – вскричал я.

– Откуда вы ее знаете? – спросил Запт.

Я рассказал ему, что и как узнал об этой даме; он кивнул головой.

– Все это верно до такой степени, что у нее даже произошла ссора с Майклом! – сказал он задумчиво.

– Если бы она захотела, то могла бы быть нам полезной, – заметил я.

– Но все же я думаю, что письмо это написано Майклом! – заметил я.

– Я тоже думаю так же, но хочу узнать наверняка. Я отправлюсь туда, Запт!

– Нет, пойду я! – возразил он.

– Вы можете пойти до калитки!

– Я пойду к беседке!

– Будь я повешен, если пушу вас!

Я встал и оперся о камин.

– Запт, я доверяю этой женщине и пойду!

– Я никакой женщине не верю, – отвечал Запт, – и вы не пойдете!

– Я отправлюсь в беседку или вернусь в Англию! – возразил я.

Запт начинал понимать, когда может руководить мною и когда должен подчиняться.

– Мы играем не в такт, – продолжал я. – С каждым днем, оставляя короля там, где он находится, мы опасность увеличиваем. С каждым днем разыгрываемый мною маскарад становится рискованнее. Запт, мы должны приняться за дело, мы должны загнать зверя.

– Пусть будет так! – согласился он со вздохом.

Чтобы не вдаваться в подробности, скажу только, что в половине двенадцатого, в ту же ночь, Запт и я сели на коней. Фрица опять оставили на страже, и мы открыли ему цель нашей поездки. Ночь была очень темная. На мне не было сабли, но был револьвер, длинный нож и фонарь. Мы доехали до наружной калитки. Я спешился, Запт протянул руку.

– Я буду ждать вас! – сказал он.

– Если услышите выстрел, то останетесь здесь, в этом все шансы короля. С вами не должно случиться беды.

– Вы правы. Желаю вам успеха!

Я толкнул небольшую калитку; она открылась, и я очутился в запущенном, заросшем кустами саду. На заросшей травой дорожке я повернул направо, как мне было приказано, и осторожно пошел. Мой фонарь был закрыт, но в руке я держал револьвер. До меня не долетал ни один звук. Постепенно большой темный предмет стал выделяться во мраке. Это была беседка. Дойдя до ступенек, я поднялся по ним и очутился перед деревянной расшатанной и непрочной дверью, висевшей на завесах. Я толкнул ее и вошел. Какая-то женщина бросилась ко мне и схватила меня за руку.

– Закройте дверь! – прошептала она.

Я повиновался и потом направил свет своего фонаря на нее. Она была в вечернем платье, одета очень роскошно, и ее видная смуглая красота фантастично освещалась светом фонаря. Беседка была пустая, маленькая. Комната, в которой стояли только пара стульев и небольшой железный столик, походила на те, какие можно видеть в кафе.

– Не говорите, – сказала она. – У нас нет времени. Слушайте! Я знаю вас, мистер Расендилл. Я писала вам по приказанию герцога.

– Я так и думал! – отвечал я.

– Через двадцать минут сюда явятся три человека с тем, чтобы убить вас.

– Три – из Шестерки?

– Да. До того времени вы должны уйти. Если вы не уйдете, то сегодня будете убиты.

– Или будут убиты они!

– Слушайте, слушайте! Когда вас убьют, ваш труп отнесут в самый опасный и глухой квартал города. Там его найдут. Майкл немедленно арестует всех ваших друзей – полковника Запта и капитана фон Тарленхайма прежде всех, – объявит осадное положение в Штрельзау и пошлет гонца в Зенду. Остальные три его приятеля убьют короля в замке, а герцог объявит королем себя или принцессу, – себя, если будет достаточно силен. Во всяком случае, он женится на ней и станет королем в действительности, а потом и по имени. Понимаете?

– Смелый заговор! Но почему вы?...

– Верьте, что я христианка – или думаете, что я ревнива! О боже! Неужели я увижу его женатым на ней? Теперь идите, но помните – вот что мне остается сказать вам – что никогда, днем ли, или ночью, вы не в безопасности. Три человека следуют за вами в качестве телохранителей. Не правда ли? А трое других следят за ними; три приятеля Майкла никогда не бывают далее двухсот шагов от вас. Вы погибли, если они хоть минуту застанут вас одного. Теперь идите. Подождите, калитку верно уже охраняют. Ступайте тихонько, пройдите мимо беседки шагов сто, и вы найдете лестницу, прислоненную к забору. Перелезайте через него и бегите, спасайте свою жизнь!

– А вы? – спросил я.

– Мне еще остается окончить свою игру. Если он узнает, что я сделала, мы более не встретимся. Если же нет, то я могу еще... Но все равно. Идите, не медля.

– Но что вы ему скажете?

– Что вы не пришли, что вы отгадали западню!

Я взял и поцеловал ее руку.

– Сегодня вы оказали большую услугу королю, – сказал я. – Где он находится, в замке?

Она понизила голос до шепота, полного страха. Я слушал жадно.

– Пройдя подземный мост, вы дойдете до тяжелой двери; за нею находится...

– Слушайте! Что это?

Около беседки послышались шаги.

– Они пришли! Слишком рано! О боже! Они пришли слишком рано! – И она побледнела как смерть.

– А мне кажется, – сказал я, – что они пришли как раз вовремя!

– Закройте фонарь! Видите, в дверях есть щель. Видите вы их?

Я приложил глаза к щели. На последней ступеньке я увидел три неясные фигуры. Я взвел курок. Антуанетта поспешно положила руку на мою.

– Положим, вы убьете одного, – сказала она. – А потом что?

Извне раздался голос – голос, говоривший безукоризненно по-английски.

– Мистер Рассендилл! – сказал он.

Я не отвечал.

– Мы хотим поговорить с вами. Обещайте, что не станете стрелять, пока мы не кончим разговора.

– Не имею ли я удовольствие говорить с мистером Детчардом? – спросил я.

– Дело не в именах!

– В таком случае оставьте и мое имя в покое!

– Прекрасно, государь. Я хочу сделать вам предложение!

Я все еще держал глаз у щели. Мои три противника поднялись еще на две ступеньки; три револьвера целили прямо в дверь.

– Не согласитесь ли вы впустить нас? Мы клянемся честью сохранить перемирие!

– Не доверяйте им! – прошептала Антуанетта.

– Мы можем говорить через дверь! – сказал я.

– Но вы можете открыть ее и выстрелить, – возразил Детчард, – и хотя мы после этого непременно убьем вас, вы раньше можете убить одного из нас. Поклянитесь честью, что не станете стрелять во время переговоров!

– Не доверяйте им! – прошептала Антуанетта снова.

Внезапная мысль осенила меня. Я быстро обдумал ее. Она казалась исполнимой.

– Клянусь честью не стрелять, пока вы не начнете сами, – сказал я, – но сюда я вас не впущу. Стойте там и говорите!

– Это умно! – заметил он.

Все трое поднялись на последнюю ступеньку и стали как раз около двери. Я приложил ухо к щели. Я не мог расслышать их слов, но голова Детчарда находилась очень близко к голове более высокого из его товарищей (де Готэ, по моим догадкам).

«Частные сообщения», – подумал я. Потом сказал громко:

– Что ж, господа, в чем заключается ваше предложение?

– Охранная грамота до границы и пятьдесят тысяч английских фунтов!

– Нет, нет! – прошептала Антуанетта самым тихим шепотом. – Они предатели!

– Предложение довольно приличное! – сказал я, продолжая свои обозрения через щель.

Они стояли очень близко друг возле друга, как раз около двери.

Я постиг сердца разбойников, и предостережения Антуанетты были мне не нужны. Они намерены были кинуться на меня, как только я увлекусь разговором!

– Дайте мне минуту на размышление! – сказал я, и мне показалось, что в саду раздался смех.

Я повернулся к Антуанетте.

– Станьте поближе к стене, вне линии выстрелов из двери! – прошептал я.

– Что вы хотите делать? – спросила она с испугом.

– Увидите! – отвечал я.

Я взял маленький железный столик – он не был тяжел для такого сильного человека, как я, – и стал держать его за ножки. Доска стола, встав передо мной, служила щитом для моей головы и тела. Я привесил закрытый фонарь к поясу и сунул револьвер в ближайший карман.

Внезапно я увидел, что дверь чуть-чуть открылась, – может быть, ветер, а может, и рука извне старалась ее открыть.

Я отошел от двери как можно дальше, держа стол в том положении, которое я описал, затем крикнул:

– Господа, принимаю ваше предложение, доверяясь вашей чести, если вы согласитесь открыть дверь.

– Откройте сами! – отвечал Детчард.

– Она открывается наружу, – возразил я. – Отойдите немного, господа, или я ударю вас, когда стану открывать!

Я подошел к двери и стал шарить около ее ручки. Потом на цыпочках вернулся на свое место.

– Не могу открыть! – вскричал я. – Замок заклинило!

– Глупости! Я открою! – отвечал Детчард. – Пустяки, Берсонин, почему же нет? Неужели вы боитесь одного человека?

Я улыбнулся про себя. Через минуту дверь была открыта настежь. Свет фонаря показал мне трех людей, стоящих рядом, с поднятыми револьверами. С громким криком кинулся я скорым шагом через беседку и через дверь. Раздались три выстрела, которые и попали в мой щит. Еще секунда, я прыгнул, мой стол с силой ударился в моих врагов и падающей, ругающейся, борющейся кучей они, и я, и мой славный стол скатились со ступенек беседки на землю. Антуанеттта закричала, но я вскочил на ноги, громко смеясь.

Де Готэ и Берсонин лежали ошеломленные. Детчард лежал под столом, но, когда я встал, он оттолкнул его от себя и выстрелил снова. Я выхватил револьвер и спустил курок; я услышал его проклятие и побежал, как заяц, продолжая смеяться, мимо беседки и вдоль стены. Я слышал за собой шаги и, повернувшись, выстрелил наудачу. Шаги затихли.

«Дай бог, – подумал я, – чтобы она сказала правду насчет лестницы!»

Стена была высокая и усаженная железными остриями.

Да, вот и лестница. Я взобрался по ней и перелез через стену в одну минуту. Вернувшись к калитке, я увидел лошадей; потом услышал выстрел. Стрелял Запт. Он слышал шум и стучал и крутил замок калитки, ударяя в нее и стреляя в замочную скважину, как иступленный. Он совершенно забыл, что не должен был принимать никакого участия в стычке. При этом я снова рассмеялся и сказал, ударив его по плечу:

– Пойдем домой спать, старик. Я могу рассказать вам лучшую сказку о чайном столе, которую вы когда-либо слышали!

Он вздрогнул, вскричав: «Вы живы!» – и с силой пожал мою руку. Но через секунду прибавил:

– Что вы, черт возьми, так смеетесь?

– Четыре гостя вокруг чайного стола, – сказал я, продолжая смеяться, так как было необыкновенно смешно представить грозную тройку совершенно разбитой и пораженной оружием не более смертельным, как обыкновенный чайный столик.

Но все же прошу вас заметить, что я честно сдержал слово и не стрелял, пока они не начали.

Глава X

Удобный случай для негодяя

Префект полиции каждое утро присылал мне рапорт о состоянии столицы и настроении народа; в бумаге еще содержался отчет о действиях лиц, за которыми полиции было поручено следить. Со времени моего пребывания в Штрельзау Запт обыкновенно прочитывал рапорт и сообщал мне из его содержания то, что было важно или интересно. На следующий день после моего приключения в беседе он вошел ко мне в то время, как я играл в экарте с Фрицем фон Тарленхаймом.

– Сегодня рапорт весьма интересен! – заметил он, садясь.

– Нет ли в нем каких-нибудь сведений об известном вам событии? – спросил я.

Он, улыбаясь, покачал головой.

– Вот что я прочел раньше всего, – сказал он. – Его высочество герцог Штрельзауский покинул город (по-видимому, внезапно), сопровождаемый некоторыми из своих приближенных. Цель его поездки, по-видимому, Зендский замок, хотя путешественники отправились верхами, а не по железной дороге. Господа де Готэ, Бесонин и Детчард выехали через час после герцога; у последнего из них рука была перевязана. Причина раны неизвестна, но существует подозрение, что он дрался на дуэли, вызванной, вероятно, любовными похождениями.

– Почти верно! – заметил я, радуясь, что оставил молодцу память о себе.

– Потом вот что мы читаем дальше, – продолжал Запт. – Госпожа де Мобан, за действиями которой мы следили, как было приказано, выехала по железной дороге. Билет она взяла до Дрездена.

– По старой привычке! – заметил я.

– Поезд, идущий в Дрезден, останавливается в Зенде. Хитрый малый этот префект! Наконец, послушайте дальше: общественное настроение в городе неудовлетворительно. Короля очень осуждают (ему, вы знаете, приказано быть откровенным), за то, что он ничего не предпринимает для своей женитьбы. Из рассказов среди окружающих принцессу Флавию видно, что ее королевское высочество кажется глубоко оскорбленной медлительностью его величества. Простой народ соединяет ее имя с именем герцога Штрельзауского, и герцог приобретает большую популярность благодаря этим предположениям. Я усиленно распространял известие, что король дает бал в честь принцессы, и впечатление получилось благоприятное.

– Это для меня новость! – сказал я.

– Все приготовления сделаны! – рассмеялся Фриц. – Я занялся всем.

Запт повернулся ко мне и сказал резким, решительным тоном:

– Вы знаете, что должны сегодня за ней ухаживать?

– Весьма вероятно, что буду, если увижусь с нею наедине, – отвечал я. – Неужели, Запт, вы думаете, что это трудно?

Фриц стал насвистывать какой-то мотив, потом сказал:

– Это будет даже слишком легко. Послушайте, хотя передавать вам это неприятно, но, кажется, вам следует знать. Графиня Хельга сказала мне, что принцесса искренно полюбила короля. Со времени коронации ее чувство заметно усилилось. И правда то, что она глубоко оскорблена кажущимся пренебрежением короля.

– Какие осложнения! – простонал я.

– Глупости! – возразил Запт. – Я думаю, что не в первый раз вам придется говорить девушке ласковые речи? Она более не требует.

Фриц, сам влюбленный, понял лучше мое сокрушение. Он положил руку на мое плечо, но не сказал ничего.

– Я думаю тоже, – продолжал хладнокровный старый Запт, – что лучше всего вам сделать ей предложение сегодня же!

– Милосердное небо!

– Или по крайней мере намекнуть на это, а я пошлю полуофициальную заметку в газеты!

– Я не сделаю ничего подобного, и вы также, – сказал я. – Я положительно отказываюсь принимать участие в одурачивании принцессы.

Запт посмотрел на меня своими маленькими острыми глазками. Медленная, хитрая улыбка появилась у него на лице.

– Отлично, милый мой, отлично, – сказал он. – Мы не должны наседать слишком на вас. Приласкайте ее немного, если можете, вот и все. Теперь поговорим о Майкле!

– Будь Майкл проклят! – вскричал я. – Мы им займемся завтра. Фриц, пойдем побродить по саду!

Запт немедленно уступил. Его грубые манеры скрывали удивительный такт и – как я все более и более убеждался – замечательное знание человеческого сердца. Почему он так мало побуждал меня относительно принцессы? Потому что он знал, что ее красота и моя пылкость завлекут меня дальше всех его доводов – и что чем менее я обо всем этом думаю, тем, вероятно, я больше сделаю. Он, без сомнения, понимал, какое несчастье это может принести принцессе; но он не придавал этому никакого значения. Могу ли я с уверенностью сказать, что он был не прав? Если король будет восстановлен в своих правах, принцесса должна к нему вернуться, зная или не зная о перемене. А если не удастся вернуть короля на престол? Об этом мы еще не говорили между собой. Но я видел, что в таком случае Запт намерен посадить меня на престол Руритании до конца моей жизни. Он бы посадил самого сатану скорее, чем ученика его, Черного Майкла.

Бал был очень роскошен. Я открыл его, танцуя кадрили с Флавией; потом я танцевал с нею вальс. Любопытные глаза и оживленный шепот провожали нас. Мы пошли к ужину; в середине ужина, почти сходя с ума от радости, потому что ее взгляд отвечал на мой, а ее взволнованное дыхание усиливалось при моих неясных речах, я встал со своего места на виду у всей этой блестящей толпы и, сняв надетую на мне Алую розу, накинул ленту с бриллиантовым орденом на ее шею. Я сел среди взрыва аплодисментов: я видел, как Запт улыбался, а Фриц нахмурился. Вторая часть ужина прошла в молчании; ни Флавия, ни я не могли говорить. Фриц тронул меня за плечо, я встал, подал ей руку и, пройдя через залу, прошел в небольшую комнату, где нам был подан кофе. Дежурные кавалеры и дамы удалились, и мы остались одни.

В маленькой комнате были большие французские окна, которые открывались в сад. Ночь была прекрасная, свежая и благоуханная. Флавия села, а я встал перед нею. Я боролся сам с собой; если бы она не взглянула на меня, я думаю, что даже тогда я бы совладал с собой. Но внезапно, невольно, она подняла на меня взгляд – взгляд вопросительный, быстро отведенный в сторону; краска покрыла ее лицо за то, что этот вопрос мог явиться, и она тяжело перевела дыхание. О, если бы вы ее видели! Я забыл о короле, заключенном в Зенде, забыл о короле в Штрельзау. Она была принцесса, – а я самозванец. Неужели вы думаете, что я помнил об этом? Я кинулся на колени и схватил ее руки в свои. Я ничего не говорил. К чему? Тихий шум ночи воплотил мое сватовство в мелодию без слов, пока я запечатлевал поцелуй на ее устах.

Она оттолкнула меня, вскричав внезапно:

– Неужели же это правда? Или только потому, что вы должны?

– Это правда! – сказал я тихим, глухим голосом. – Правда то, что я люблю вас больше жизни, правды и чести!

Она не придавала значения моим словам, считая их простым преувеличением любви. Она близко подошла ко мне и прошептала:

– О, если бы вы не были королем! Тогда я могла показать вам, как я вас люблю! Почему я люблю вас теперь, Рудольф?

– Теперь?

– Да, недавно. Я, я раньше не любила вас!

Чистое торжество переполнило мое сердце. Она любила меня, Рудольфа Рассендилла! Я схватил ее за талию.

– Вы раньше не любили меня? – спросил я.

Она взглянула мне в лицо, улыбаясь, и прошептала:

– Это, верно, благодаря вашей короне. Я испытала это чувство в первый раз в день коронации.

– А раньше никогда? – спросил я тревожно. Она тихонько засмеялась.

– Вы говорите так, точно вам доставило бы удовольствие, если бы я сказала «да»? – заметила она.

– Было бы «да» правдой?

– Да! – Я едва услышал ее шепот.

Потом через секунду она продолжала:

– Будьте осторожны, Рудольф; будьте осторожны, дорогой. Теперь он страшно рассердится.

– Кто? Майкл? Если бы Майкл был худшим...

– Что может быть хуже?

Мне еще оставался выход. Совладав с собою с величайшим трудом, я выпустил ее из своих объятий и стал шагах в двух от нее. Я еще и теперь помню шум ветра в вязе под окном.

– Если бы я не был королем, – начал я, – если бы я был простым смертным...

Прежде чем я окончил, ее рука была в моей.

– Если бы вы были колодником в Штрельзауской тюрьме, вы бы были моим королем! – сказала она.

Я простонал про себя: «Да простит мне Бог!» и, держа ее руку в своей, я сказал снова:

– Если бы я не был королем...

– Довольно, довольно! – прошептала она. – Я не заслуживаю этого, я не заслуживаю недоверия. О Рудольф! Неужели женщина, которая выходит замуж без любви, может смотреть на своего жениха, как я смотрю на вас?

И она отвернула лицо от меня.

Более минуты стояли мы так; и я, даже держа ее за руку, призвал на помощь остаток совести и чести, которые ее красота и сети, в которых я находился, оставили мне.

– Флавия, – сказал я странным, сухим голосом, который казался мне чужим, – я не...

Пока я говорил, она подняла глаза на меня; внезапно раздались тяжелые шаги на щебне сада, и в окне показался человек. Флавия слегка вскрикнула и отскочила от меня. Моя неоконченная фраза замерла на моих устах. Перед нами стоял Запт, низко кланяясь, но с грозно нахмуренным лицом.

– Тысячу извинений, государь, – сказал он, – но его преосвященство кардинал ждет уже четверть часа, чтобы почтительно проститься с вашим величеством!

Я прямо и твердо встретил его взгляд; в нем я прочел гневное предостережение. Давно ли он подслушивал, я не знал, но появился он между нами как раз вовремя.

– Мы не должны заставлять ждать его преосвященство! – отвечал я.

Но Флавия, в любви которой не было стыда, с сияющими глазами и вспыхнувшим лицом протянула руку Запту. Она ничего не сказала, но ни один человек, когда-либо выдавший торжество женской любви, не мог не понять значения всего этого. Жесткая, хотя грустная улыбка промелькнула по лицу старого солдата, и в его голосе послышалась нежность, когда, нагнувшись, чтобы поцеловать ее руку, он сказал:

– В радости и горе, в счастливые и бедственные времена, да сохранит Бог ваше королевское высочество!

Он остановился и прибавил, взглянув на меня и вытянувшись по-военному:

– Но первое место занимает король, да спасет Бог короля!

И Флавия схватила мою руку и поцеловала ее, прошептав:

– Аминь! Великий Боже, аминь!

Мы вернулись снова в большую залу. Принужденный прощаться с гостями, я был разлучен с Флавией: каждый, отходя от меня, подходил к ней. Запт находился среди толпы, и где бы только он ни проходил, появлялись оживленные улыбки, взгляды и шепот. Я не сомневался, что, верный своему непреклонному намерению, он распространял новость, которую узнал. Поддержать корону, сокрушить Черного Майкла – вот было его единственной целью. Флавия, я, даже настоящий король в Зенде были пешками его игры, а пешкам нет дела до страстей. Он даже не ограничился стенами дворца: когда наконец я свел Флавию по широкой мраморной лестнице к ее карете, там ждала уже большая толпа, и нас встретили оглушительные крики. Что мог я сделать? Заговори я тогда, они бы отказались верить, что я не король; они бы подумали, что король сошел с ума. Благодаря замыслу Запта и моей собственной неукротимой страсти я пошел вперед, и обратный путь закрылся за мной а страсть все влекла меня в том же направлении, куда соблазняли меня замыслы Запта. В тот вечер я показался всему Штрельзау королем и объявленным женихом принцессы Флавии.

Наконец в три часа утра, когда холодный свет начинающегося дня стал прокрадываться в окна, я очутился в своей уборной и со мною один Запт. Я сидел, как человек ошеломленный, и смотрел на огонь; он курил трубку; Фриц ушел спать, почти отказавшись говорить со мной. На столе рядом со мной лежала роза; она украшала платье Флавии и, расставаясь со мной, она поцеловала цветок и дала его мне.

Запт протянул руку к розе, но быстрым движением я положил свою руку на нее.

– Это мое, – сказал я, – не ваше и не короля!

– Мы сегодня сильно подвинули дело короля! – заметил он.

Я свирепо повернулся к нему.

– А что помешает мне обратить все это дело для себя самого? – спросил я.

Он покачал головой.

– Я знаю, что у вас на уме, – сказал он. – Да, милый мой, но вы связаны честью!

– Разве вы мне оставили честь?

– Полно, разве сыграть шутку с девочкой...

– Можете не продолжать, полковник Запт, если не хотите сделать из меня окончательного негодяя, если не хотите, чтобы ваш король сгнил в Зенде, пока Майкл и я играем на большую ставку здесь. Вы следите за моими словами?

– Да, слежу!

– Мы должны действовать, и поскорее! Вы сегодня видели, вы слышали.

– Видел и слышал! – сказал он.

– Ваша проклятая проницательность подсказала вам, что я стану делать. Что ж, оставьте меня здесь еще неделю, и вот вам новая задача. Находите ли вы ответ на нее?

– Да, нахожу, – отвечал он, уныло хмурясь. – Но если бы вы это сделали, вам бы пришлось раньше драться со мной – и убить меня.

– А если бы и так, – хоть с десятком людей. Говорю вам; я мог бы поднять весь Штрельзау на вас через час и задушить вас вашей же ложью, – да, вашей сумасшедшей ложью!

– Все это совершенно верно, – сказал он, – благодаря моим советам вы можете исполнить это!

– Я могу жениться на принцессе и послать Майкла вместе с его братом к...

– Не отрицаю и этого, милый мой! – отвечал он.

– В таком случае, ради бога, – вскричал я, протягивая к нему руки, – отправимся в Зенду и захватим Майкла, а короля привезем обратно к его близким!

Старик стоял и смотрел на меня в течение долгой минуты.

– А принцесса? – спросил он.

Я наклонил голову к рукам и раздавил розу между пальцами и губами.

Я почувствовал руку на своем плече, и его голос звучал глухо, когда он тихо прошептал мне на ухо:

– Клянусь перед Богом, вы лучший Эльфберг из них всех. Но я ел хлеб короля, и я слуга короля. Хорошо, поедem в Зенду!

Взглянув вверх, я схватил его за руку. Глаза у нас обоих были влажны.

Глава XI

Охота на очень большого вепря

Теперь понятно, какое ужасное искушение охватило меня. Я мог так опутать Майкла, что он очутился бы в необходимости убить короля. Я находился в удобном положении, чтобы оказать ему сопротивление и крепче ухватиться за корону – не ради ее самой, а потому, что король Руритании должен был стать мужем принцессы Флавии. А что сказали бы на это Запт и Фриц? Нельзя требовать от человека, чтобы он хладнокровно описал те дикие и мрачные мысли, которые осаждали его мозг, когда неудержимая страсть пробила для них выход. Но все же, если он не метит в святые, может не презирать себя за них. Смею думать, что он поступит лучше, если будет благодарен за силу, дарованную ему для сопротивления им, чем возмущаться на злые побуждения, являющиеся непрошеными и требующие себе места от слабости нашей природы.

Было прекрасное, яркое утро, когда я шел без свиты к дому принцессы, неся в руке букет. Политика создавала извинение для любви, и всякое внимание, оказанное ей, хотя и теснее опутывало меня оковами, привлекало все более ко мне население большого города, обожающего принцессу. Я застал возлюбленную Фрица, графиню Хельгу, собирающей в саду цветы для украшения своей госпожи, и убедил ее заменить их моими цветами. Девушка вся сияла счастьем: видно было, что Фриц, в свою очередь, не провел даром вечера, и никакая тень не омрачала его сватовства, исключая ненависти, которую, как было известно, герцог Штрельзауский питал к нему.

– А это, – сказала она с шаловливой улыбкой, – благодаря вашему величеству стало для нас не опасным. Да, я сейчас отнесу цветы; сказать ли вам, государь, что принцесса сделает с ними в первую минуту?

Мы разговаривали на широкой террасе, которая огибала задний фасад дома; над нашими головами стояло раскрытое окно.

– Ваше высочество, – закричала весело графиня, и Флавия выглянула из него. Я обнажил голову и поклонился. На ней было белое платье, и ее волосы были свободно собраны в узел. Она послала мне поцелуй, воскликнув:

– Приведите сюда короля, Хельга; я угощу его кофе!

Графиня, весело улыбаясь, пошла вперед и провела меня в гостиную Флавии. Оставшись наедине, мы поздоровались, как обыкновенно здороваются влюбленные. Потом принцесса положила передо мной два письма. Одно из них было от Черного Майкла – очень вежливое послание, в котором он просил, чтобы она сделала ему честь провести день в его Зендском замке, по примеру прошлых лет, так как замок и его сады стоят теперь во всей своей красоте. Я с отвращением бросил письмо, и Флавия стала смеяться надо мною. Потом, став снова серьезной, она указала на второе письмо.

– Я не знаю, от кого оно, – сказала она. – Прочтите!

Я же немедленно узнал почерк. На этот раз не было никакой подписи, но рука была та же, которая сообщила мне о западне в беседке; то была рука Антуанетты.

«У меня нет причины любить вас, – писала она, – но упаси Бог, чтобы вы очутились во власти герцога. Не принимайте его приглашений. Не выходите никуда без сильной охраны; не хватило бы целого полка, чтобы вы были в полной безопасности. Покажите это письмо, если можете, тому, кто царствует в Штрельзау».

– Почему вы не названы королем? – спросила Флавия, опираясь на мое плечо так, что локон ее волос касался моей щеки.

– Если вы дорожите жизнью и более, чем жизнью, моя королева, – сказал я, – слушайте дословно это письмо. Один из полков будет расположен сегодня же вокруг вашего дома. Смотрите, не выходите без сильной охраны.

– Это приказание, государь? – спросила она с легким возмущением.

– Да, приказание, ваше высочество, – если вы любите меня!

– Вот как! – вскричала она, и я не мог удержаться и поцеловал ее.

– Вы знаете, кто писал это письмо? – спросила она.

– Догадываюсь, – отвечал я. – Это наш друг, и очень несчастная женщина. Вы должны заболеть, Флавия, и не быть в состоянии ехать в Зенду. Пусть ваши извинения будут так холодны и официальны, как вам заблагорассудится!

– Разве вы чувствуете себя достаточно сильным, чтобы сердить Майкла? – спросила она с гордой улыбкой.

– Я силен и готов на все, пока вы в безопасности! – сказал я.

Вскоре я покинул ее и затем, не совещаясь с Заптом, направился к дому маршала Штракенца. Я довольно часто виделся со старым генералом, полюбил его и доверял ему. Запт был более недоверчив, но я успел заметить, что Запт любил все исполнять лично, и ревность играла некоторую роль в его взглядах. Но при настоящих обстоятельствах нам предстояло дело, которое невозможно было поручить Запту и Фрицу, так как им необходимо отправиться со мной в Зенду, и мне нужен был человек для охраны той, которую я любил более всего на свете, и который мог бы дать мне возможность со спокойным сердцем заняться освобождением короля.

Маршал принял меня с почтительной любезностью. До некоторой степени я доверил ему нашу тайну. Я поручил ему позаботиться о безопасности принцессы, смотря ему прямо и многозначительно в лицо, просил его не пускать к ней никого, посланного от герцога, только разве в своем присутствии и в присутствии по крайней мере двенадцати солдат.

– Вы, вероятно, правы, государь, – сказал он, грустно качая своей седой головой. – Я знал людей получше герцога, совершавших преступления во имя любви!

Я вполне оценил замечание, но сказал:

– В этом случае есть нечто, кроме любви, маршал. Любовь для сердца; а разве мой брат не желает еще кое-чего для своей головы?

– Надеюсь, что вы ошибаетесь, государь!

– Маршал, я покидаю Штрельзау на несколько дней. Каждый вечер я буду присылать вам курьера. Если в течение трех дней ни один курьер не явится, вы опубликуйте приказ, который я дам вам и который лишит герцога Майкла управления Штрельзау и назначит вас на его место. Вы объявите город на военном положении. Потом вы пошлете заявить Майклу, что просите аудиенции у короля. Вы понимаете?

– Да, государь!

– В течение одних суток. Если он не предьявит короля (я положил руку на его колено), значит, король умер, и вы должны объявить королем наследника. Вы знаете, кто наследник?

– Принцесса Флавия!

– Поклянитесь мне вашей верностью, честью и страхом живого Бога, что вы не покинете ее до смерти, убьете ту гадину, а ее посадите туда, где я сижу теперь!

– Клянусь верностью, честью и страхом Бога! И пусть всемогущий Бог сохранит ваше величество, потому что вы, по-видимому, идете на опасное предприятие!

– Надеюсь, что опасности не подвергнется ничья жизнь, более драгоценная, чем моя, – сказал я, вставая. Потом я протянул ему руку. – Маршал, – сказал я, – в будущее время, может быть... не знаю... вы услышите странные вещи о человеке, который говорит с вами теперь. Пусть он будет чем хочет и чем может, но что скажете вы о его жизни за то время, когда он был королем в Штрельзау?

Старик, держа меня за руку, отвечал:

– Я знал многих Эльфбергов и видел вас. Что бы ни случилось, вы были мудрым королем и хорошим человеком; вы показали себя благородным джентльменом и доблестным влюбленным, как любой из царственного дома.

– Пусть это будет моей эпитафией, – отвечал я, – когда наступит время другому занять престол Руритании.

– Дай бог, чтобы то время было отдаленное и чтобы я не видел его! – сказал он.

Я был очень тронут, а изнуренное лицо старого маршала нервно подергивалось. Я сел и написал приказ.

– Я едва могу писать, – сказал я, – мой палец еще плохо повинуется!

В действительности же я в первый раз пытался написать что-нибудь длиннее простой подписи; несмотря на старание, которое я приложил, чтобы изучить почерк короля, я не вполне мог ему подражать.

– Действительно, государь, – отвечал он, – я замечаю разницу с вашим обыкновенным почерком. Это очень жаль, так как может возбудить подозрение в подлоге.

– Маршал, – возразил я со смехом, – какая польза в штрельзауских ружьях, если они не могут уменьшить подозрения?

Он мрачно улыбнулся и взял бумагу.

– Полковник Запт и Фриц фон Тарленхайм едут со мной! – продолжал я.

– Вы хотите захватить герцога? – спросил он тихо.

– Да, герцога и еще кого-то, кто мне нужен и находится в Зенде! – отвечал я.

– Я бы хотел отправиться с вами, – вскричал он, потянув себя за седые усы. – Мне хотелось бы подраться за вас и вашу корону!

– Я оставлю вам то, что дороже моей жизни и дороже моей короны, – сказал я, – потому что вы человек, которому я доверяю более всех в Руритании!

– Я верну вам ее здоровой и невредимой, – отвечал он, – а если это будет невозможно, сделаю ее королевой!

Мы расстались; я вернулся во дворец и рассказал Запту и Фрицу о своих посещениях. Запт нашел возможным слегка покритиковать и слегка поворчать. Я ожидал этого, так как Запт любил, чтобы с ним советовались заранее, а не объявляли о совершившемся; но, в общем, он одобрил мой план, и его энергия увеличилась, когда время действовать стало приближаться.

Фриц также был готов; хотя он рисковал большим, чем Запт, будучи женихом, счастье которого лежало на весах. Как я завидовал ему! Торжествующее окончание, которое должно было венчать его счастьем и соединить его с невестой, успех, на который мы были обязаны надеяться, стараться и бороться, означал для меня горе, более верное и огромное, чем если бы я был обречен на неуспех. Он понял чувства, волновавшие меня, и, когда мы остались одни (включая старого Запта, который курил в другом конце комнаты), просунул свою руку под мою, говоря:

– Вам тяжело. Не думайте, что я не доверяю вам; я знаю, что в вашем сердце нет ничего, кроме верности!

Но я отвернулся от него, радуясь, что он не может видеть моего сердца, а может только быть свидетелем того, что я собирался совершить.

Но даже и он не мог вполне меня понять, поскольку он никогда бы не осмелился посмотреть в глаза принцессы Флавии так, как это сделал я.

Наши планы были все обдуманы так, как нам удалось привести их в исполнение, и как это будет видно дальше. На следующее утро мы должны были отправиться на охоту. Я сделал все распоряжения на время своего отсутствия, и теперь мне оставалось одно... самое трудное, самое печальное. При наступлении вечера я поехал по шумным улицам к дому Флавии. Народ меня узнал и сопровождал громкими криками. Я продолжал играть свою роль и старался казаться счастливым женихом. Несмотря на свою грусть, меня почти позабавили холодность

и гордая величавость, которыми моя кроткая возлюбленная встретила меня. Она слыхала, что король покидает Штрельзау и едет на охоту.

– Мне жаль, что мы не умеем занять ваше величество здесь, в Штрельзау, – сказала она, слегка постукивая о пол ногой. – Я могла бы предложить вам более развлечений, но я была так глупа, что думала...

– Что? – спросил я, наклоняясь над ней.

– Что день или два после – после вчерашнего вечера – вы могли быть счастливым без увеселений. – И она капризно отвернулась от меня, прибавив: – Надеюсь, что вепри будут занимательнее нас!

– Я еду на очень большого вепря, – сказал я, и, не выдержав, стал играть ее волосами, но она отодвинула голову от меня.

– Неужели вы обижены? – спросил я с притворным удивлением, так как трудно было устоять против искушения помучить ее слегка. Я никогда не видел ее гневной, а каждый новый ее вид был для меня очарованием.

– Какое право я имею быть обиженной? Правда, вы говорили вчера вечером, что каждый час, проведенный вдали от меня, погибший час. Но очень большой вепрь! Это, конечно, лучше всего!

– Может быть, вепрь нападет на меня, – предположил я. – Может быть, Флавия, он убьет меня!

Она не отвечала.

– Вас не беспокоит такая возможность?

Тогда она заговорила очень тихо:

– Вот таким вы были раньше; но не с тех пор, как стали королем... королем, которого... которого я научилась любить!

С внезапным громким стоном я прижал ее к своему сердцу.

– Прелесть моя! – вскричал я, забывая все, кроме нее. – Неужели вы поверили, что я покидаю вас для охоты?

– Для чего же, Рудольф? Неужели вы едете...

– Это своего рода охота. Я еду накрыть Майкла в его логовище!

Она стала очень бледна.

– Вы видите, дорогая, что я не такой жалкий жених, каким вы меня считали. Я недолго буду в отсутствии!

– Вы будете мне писать, Рудольф?

Я был слаб, но не смел сказать ни одного слова, могущего возбудить ее подозрение.

– Мое сердце будет с вами все время, – отвечал я.

– И вы не станете подвергаться опасности?

– Ненужной – нет!

– А когда вы вернетесь? О, как долго вас не будет!

– Когда я вернусь? – повторил я.

– Да, да, не оставайтесь долго в отсутствии, не оставайтесь! Я не буду спать спокойно во время вашего отсутствия.

– Я не знаю, когда вернусь! – отвечал я.

– Скоро, Рудольф, скоро?

– Бог знает, моя прелесть. Но если не вернусь никогда...

– Молчите, молчите! – И она прижала свои губы к моим.

– Если никогда не вернусь, – прошептал я, – вы должны заменить меня; вы будете единственной представительницей царствующего дома. Вы должны царствовать, а не плакать обо мне!

На секунду она гордо выпрямилась, как настоящая королева.

– Хорошо! – сказала она. – Я буду царствовать и исполню свои обязанности, хотя вся моя жизнь будет пуста, и сердце мертво; но я буду царствовать!

Она остановилась и, прижавшись ко мне, тихо заплакала:

– Возвращайтесь скорее! Возвращайтесь скорее!

С горячим увлечением я громко вскричал:

– Истинно, как верю в Бога, я... да, я сам... увижу вас еще раз перед смертью!

– Что хотите вы сказать? – воскликнула она с удивлением во взгляде; но я не мог отвечать, а она смотрела на меня своими удивленными глазами.

Я не смел просить ее забыть меня, она бы сочла это оскорблением. Я еще не мог сказать ей, кто и что я такое. Она плакала, и мне оставалось только осушать ее слезы.

– Неужели я не вернусь к самой прелестной даме во всем великом мире, – сказал я. – Тысяча Майклов не удержат меня вдали от вас!

Она прижалась ко мне, немного утешенная.

– Вы не станете подвергаться опасности быть раненным Майклом?

– Нет, прелесть моя!

– Или быть удержанным вдали от меня?

– Нет, прелесть моя!

– И не забудете меня?

И снова я ответил:

– Нет, прелесть моя!

Существовал один человек, – но не Майкл, – который, если останется жив, удержит меня вдали от нее; и за его жизнь я теперь готовился рисковать своей. Его фигура – гибкая, стройная фигура, которую я встретил в Зендском лесу, – тяжелая, неподвижная масса, которую я оставил в погребке охотничьего павильона, – казалось, вставала передо мной в этой двойной оболочке и становилась между ею и мной, закрадываясь даже туда, где лежала она, бледная, утомленная, безжизненная, в моих объятиях, и откуда она смотрела на меня глазами, полными такой любви, какой я никогда не видел раньше. Глаза эти мерещатся мне и теперь и будут мерещиться, пока земля не покроет меня – и (кто знает?) может быть, и долее.

Глава XII

Я принимаю гостя и закидываю удочку

Милях в пяти от Зенды, на противоположной стороне от той, на которой построен замок, тянется широкая полоса леса. Почва здесь повышается, и в середине имения, на вершине горы, стоит красивый современный дом, принадлежащий отдаленному родственнику Фрица, графу Станисласу фон Тарленхайму. Граф Станислас был человек ученый и нелюдимый. Он редко посещал этот дом и, по просьбе Фрица, очень любезно и охотно предложил в нем гостеприимство мне и моему отряду. Это и было целью нашей поездки, выбранной как бы ради охоты на вепря (так как лес тщательно охранялся, и кабаны, когда-то находившиеся во всей Руритании, жили здесь еще в значительном количестве); в сущности же потому, что дом этот являлся для нас ближайшим соседством к более великолепному местопребыванию герцога Штрельзауского по ту сторону леса. Многочисленные слуги с лошадьми и багажом пустились в путь рано утром; мы выехали в полдень, проехали по железной дороге миль тридцать, а затем сели на лошадей, чтобы проехать оставшееся до замка расстояние.

Отряд наш был щегольской. Кроме Запта и Фрица мне сопутствовали десять молодых людей; каждого из них тщательно выбрали и не менее тщательно изучили мои два друга, и все они были искренно преданы королю. Им поведали часть истины: попытка в беседке лишить меня жизни была открыта им, в виде поощрения в верности и побуждения против Майкла. Им было также сообщено подозрение, что одного из друзей короля насильственно держат заключенным в Зендском замке. Его освобождение было одной из целей нашего похода; но при этом им было сказано, что главное желание короля было приведение в исполнение одного плана против изменника-брата, но что подробности плана еще трудно было сообщить им. Они должны были довольствоваться тем, что король требовал их услуг и надеялся на их преданность, когда случай в ней представится. Молодые, верные и храбрые, они большего не требовали: они готовы были доказать свое почтительное повиновение и мечтали о сражении, как о самом лучшем и самом веселом способе доказать его.

Таким образом, сцена действий была перенесена из Штрельзау в замок Тарленхайм и Зендский замок, который хмурился на нас через долину. Я старался перенести также и мои мысли, забыть свою любовь и направить всю свою энергию на предстоящее дело. Дело состояло в том, чтобы вывести короля живым из замка. Сила была бесполезна; удача заключалась в хитрости. У меня уже появились случайные планы будущих действий. Но я был сильно связан тем, что мои действия всегда были всем известны. Майкл, вероятно, уже знал о моей поездке; а я знал Майкла слишком хорошо, чтобы предположить, что его бдительность будет обманута мнимой охотой на кабана. Он хорошо поймет, кто была желаемая мной добыча. Но надо было рискнуть; Запт не менее меня убедился, что настоящее положение дел стало невыносимым. Было еще одно обстоятельство, на которое я отважился рассчитывать – и как я теперь вижу, не без основания. Оно заключалось в предположении, что Черный Майкл не хочет верить, что я желаю королю добра. Он не мог оценить – не скажу честного человека, потому что мои тайные мысли известны читателю, – но человека, поступающего честно.

Он постиг все мои расчеты не хуже Запта и меня самого; он знал принцессу (признаюсь, какое-то чувство скрытой жалости к нему охватило меня); по-своему он любил ее; он мог предположить, что Запта и Фрица можно подкупить, если сумма будет достаточно велика. Предполагая все это, убьет ли он короля, моего соперника, и соперника опасного? Я убежден, что он убил бы его, не испытывая никакого раскаяния, словно речь шла о крысе. Но он захочет, если удастся, убить Рудольфа Рассендилла раньше. Кроме уверенности, что он будет осужден при освобождении короля живым и восстановлении на престоле, ничто не заставит его бросить тот

kozyрь, который он приберегал, чтоб разрушить предполагаемую игру нахального самозванца Рассендилла. Раздумывая над всем этим, я приободрился.

Майкл действительно знал о моем приезде. Я не успел побыть в доме Тарленхайма и часа, как явилось от него торжественное посольство. Его нахальство еще не дошло до того, чтобы присылать мне моих неудавшихся убийц, но он прислал остальных трех из своей славной Шестерки – трех руританцев: Лауэнграма, Крафштейна и Руперта Гентцау. То были видные, красивые, молодые люди на великолепных лошадях и с прекрасным вооружением. Руперт, на вид весьма дерзкий и, вероятно, не старше двадцати трех лет юноша, стоял во главе посольства и произнес красочную речь, посредством которой мой верноподданный и любящий брат, Майкл Штрельзауский, просил у меня прощения в том, что не явился лично засвидетельствовать почтение и не предложил своего замка к моим услугам; причиной этих двух кажущихся небрежностей была та, что он и некоторые из его слуг лежали больные скарлатиной и находились в очень печальном и заражном состоянии. Так объяснил нам молодой Руперт с наглой улыбкой короткой верхней губы и со смелым встряхиванием своих густых волос – он был очень красив, и молва говорила, что он успел нарушить сердечный покой не одной дамы.

– Если мой брат болен скарлатиной, – сказал я, – цвет его лица должен походить на мой более обыкновенного, милорд. Надеюсь, он не страдает?

– Он в силах заниматься делами, государь.

– Надеюсь, что не все больны под вашей кровлей. Как поживают мои добрые друзья де Готэ, Берсонин и Детчард? Я слыхал, что последний ушибся.

Лауэнграм и Крафштейн беспокойно нахмурились, но улыбка молодого Руперта стала еще веселее.

– Он надеется скоро найти средство для излечения своего ушиба, государь! – отвечал он.

И я громко расхохотался, так как понял, какое средство Детчард желал найти – его зовут местью.

– Вы пообедаете с нами, господа? – спросил я.

Молодой Руперт стал рассыпаться в извинениях. У них были спешные дела в замке.

– В таком случае, – сказал я, делая движение рукой, – до скорого свидания. Желаю ближе с вами познакомиться!

– Мы будем просить ваше величество как можно скорей предоставить эту возможность! – отвечал Руперт весело и прошел мимо Запта с таким насмешливым презрением на лице, что я видел, как старик сжал кулак и нахмурился темнее ночи.

По моему мнению, если человек должен быть негодяем, пусть будет негодяем веселым, и мне нравился Руперт Гентцау более своих длиннолицых, с прищуренными глазами, товарищей. Грех становится не хуже, если грешить весело и с шиком.

Странно было, что в эту ночь, вместо того чтобы есть отличный обед, приготовленный моими поварами, я должен был предоставить его своей свите, оставшейся под председательством Запта, а сам отправился с Фрицем в городок Зенду, в небольшой, знакомый мне постоялый двор. В этой поездке было мало опасности; вечера были длинные и светлые, и дорога по эту сторону Зенды очень людная. Итак мы отправились в сопровождении конюха. Я тщательно закутался в большой плащ.

– Фриц, – сказал я, когда мы въезжали в город, – в этом постоялом дворе живет необыкновенно хорошенькая девушка.

– Откуда вы ее знаете? – спросил он.

– Я был здесь! – отвечал я.

– С тех пор? – начал он.

– Нет, раньше, – возразил я.

– Но она вас узнает?

– Конечно, узнает. Не спорьте, милый друг, но выслушайте меня. Мы – два приближенных короля, и один из них страдает зубной болью. Другой закажет отдельную комнату и обед и, конечно, бутылку лучшего вина для больного. И если он так умен, как я думаю, то нам будет прислуживать хорошенькая девушка, а не кто-либо иной!

– А если она не захочет? – возразил Фриц.

– Милый Фриц, – сказал я, – если она не захочет ради вас, то захочет ради меня!

Мы подъехали к дому. Нельзя было разглядеть ничего, кроме моих глаз, когда я вошел. Хозяйка приняла нас; минуты две спустя появилась моя маленькая приятельница, всегда stojившая, как мне кажется, гостей, которые казались ей интересными. Мы заказали обед и вино. Я уселся в отдельной комнате. Через минуту вошел Фриц.

– Она придет! – сказал он.

– Если бы она не пришла, я бы удивился вкусу графини Хельги!

Она вошла. Я дал ей время поставить вино, так как не хотел, чтобы она его уронила. Фриц налил вина в стакан и подал мне.

– Что, господин очень страдает? – спросила девушка участливо.

– Господин страдает не более, как когда виделся с вами в последний раз! – отвечал я, откидывая плащ.

Она вздрогнула и слегка вскрикнула. Потом воскликнула:

– Значит, то был король! Я так и сказала матери, когда увидела его портрет. О, сударь, простите меня!

– Клянусь, вы совсем не обидели меня! – сказал я.

– Но то, что мы говорили!

– Я прощаю за то, что вы сделали!

– Я пойду и расскажу матери!

– Постойте, – возразил я, принимая серьезный вид. – Мы здесь сегодня не для забавы. Подите, принесите обед и ни слова о том, что король здесь!

Она вернулась через несколько минут, с выражением серьезным, хотя и любопытным.

– Как поживает Иоганн? – спросил я, принимаясь за обед.

– Иоганн, сударь, я хочу сказать, милостивый король...

– Пожалуйста, говорите – сударь. Как он поживает?

– Мы почти не видим его теперь, сударь.

– Почему?

– Я сказала ему, что он приходит слишком часто, сударь! – отвечала она, кивнув головой.

– И поэтому он обиделся и не возвращается?

– Да, сударь!

– Но вы можете призвать его снова? – подсказал я, улыбаясь.

– Может быть, и могу! – отвечала она.

– Я знаю вашу власть, как видите, – продолжал я, и она вспыхнула от удовольствия.

– Он не приходит еще по другой причине. Он очень занят в замке.

– Но теперь там нет охот.

– Нет, сударь, но ему поручен весь дом.

– Иоганн стал экономкой?

У девушки был большой запас сплетен.

– Что ж, когда там нет другой, – сказала она. – Там нет ни одной женщины, – служанки, хочю я сказать. Говорят, но может быть, все это неправда, сударь...

– Мы оценим рассказ по достоинству! – возразил я.

– Право, я стыжусь вам рассказывать, сударь.

– Я буду смотреть в потолок!

– Говорят, там живет дама, сударь; но, исключая ее, там нет ни одной женщины. Иоганн должен прислуживать господам.

– Бедный Иоганн! Он, должно быть, измучен работой. Но все же я убежден, что он может найти свободных полчаса, чтобы повидаться с вами.

– Может быть; это будет зависеть от времени, сударь.

– Любите ли вы его? – спросил я.

– Нет, сударь.

– И вы желаете служить королю?

– Да, сударь!

– В таком случае, дайте ему знать, чтобы он встретил вас у придорожного камня на второй миле от Зенды завтра вечером в десять часов. Скажите, что будете его там ждать и вернетесь домой с ним!

– Вы ничего дурного ему не сделаете, сударь?

– Нет, если он поступит, как я прикажу ему. Но, кажется, я сказал вам достаточно, моя красавица. Смотрите же, сделайте как я говорил. И помните, что никто не должен знать, что король был здесь!

Я говорил сурово, потому что редко вредит подмешать немного страха к нежному чувству женщины, но я сгладил впечатление, дав ей богатый денежный подарок. Потом мы пообедали, и, закутавшись с лицом в плащ, сопровождаемый Фрицем, я сошел вниз, и мы оба сели на коней.

Было половина девятого и еще не темно; улицы были очень оживлены для такого маленького местечка, и я видал царящее общее веселье. С одной стороны находился король, с другой – герцог, и Зенда чувствовала себя центром всей Руритании. Мы проехали шагом по городку, но пустили лошадей более быстрым аллюром, когда достигли открытых полей.

– Вы хотите поймать этого Иоганна? – спросил Фриц.

– Да, и мне кажется, что я удачно закинул удочку. Наша маленькая Далила доставит нам Самсона. Недостаточно, Фриц, не иметь женщины в доме, хотя в этом брат Майкл доказывает свой ум. Если желаешь быть в безопасности, надо держать женщин не ближе пятидесяти миль.

– Не ближе Штрельзау, например! – сказал бедный Фриц с глубоким вздохом.

Мы достигли аллеи дворца и скоро были у подъезда. Когда раздался на песке звук шагов, Запт выскочил к нам навстречу.

– Слава богу, вы невредимы! – вскричал он. – Видели ли вы кого-нибудь из них?

– Кого? – спросил я, сходя с лошади.

Он отвел нас в сторону, чтобы конюхи не могли слышать.

– Милый мой, – сказал он мне, – вы не должны выезжать отсюда иначе, как в сопровождении человек шести. Вы знаете между нашими молодыми людьми высокого молодца по имени Берненштейн?

Я знал его. Он был красивый, рослый, белокурый молодой человек, приблизительно одного роста со мной.

– Он лежит теперь наверху, с пулей в руке!

– Неужели?

– После обеда он пошел побродить один и забрел в лес миль около двух отсюда; тут ему показалось, что он видит за деревьями трех людей, причем один из них навел на него свое ружье. С ним не было оружия, и он бросился бежать назад к дому. Но один из них выстрелил и попал в него, так что Берненштейн с большим трудом достиг дома и здесь лишился чувств. К счастью, они побоялись преследовать его ближе к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.